

АМВРОСІЙ ОРНЯТСКІЙ, ЕПІСКОПЪ ПЕНЗЕНСКІЙ.

1778—1827 гг.

Имя Амвросія Орнатского, епископа Пензенского, надолго останется известнымъ какъ въ исторіи русской церкви, такъ и вообще въ области нашей исторической науки. Многотомная его „Исторія россійской іерархії“, не смотря на то, что въ настоящее время издано столько памятниковъ древности, еще и до сихъ поръ не утратила вполнѣ своей классической важности ¹⁾). А для своего времени трудъ Амвросія былъ замѣчательнѣйшимъ трудомъ, который служилъ тогда настольною книгою для всякаго, одинаково и свѣтскаго и церковнаго, историка. Не менѣе любопытною личностью является преосвященный Амвросій и по своему сильному и своеобразному нравственному характеру и по необыкновенному образу жизни и дѣятельности въ санѣ епископа.

Амвросій (въ мірѣ Андрей) родился въ 1778 году, въ погосте Чуди или Чудскомъ, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. Отецъ его, Антипъ Григорьевъ, былъ бѣднымъ сельскимъ діакономъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Амвросій началъ свое образование въ городѣ Кирилловѣ, въ уѣздномъ духовномъ училищѣ, находившемся тогда при древнѣйшемъ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ ²⁾). 26 января 1792 года онъ поступилъ, для продолженія своего образования, въ С.-Петербургскую Александро-Невскую

¹⁾ Филаретъ Черниговскій, „Обзоръ русской духовной литературы“. Кн. II, втор. изд., стр. 215. Чистовичъ, „Исторія С.-Петербург. дух. академіи“. Спб. 1857, стр. 97.

²⁾ При поступлении въ Кириллобѣлозерское духовное училище, ему дано было прозвание Чудскій, по имени погоста, въ которомъ онъ родился.

В. Ж.

9

семинарію, имѣвшую въ то время значеніе высшаго духовнаго учебнаго заведенія или академіи. Здѣсь Амвросій скоро обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго въ то время покровителя духовнаго просвѣщенія, петербургскаго митрополита Амвросія (Подобѣдова), и въ теченіе всего послѣдующаго времени пользовался милостями и покровительствомъ своего знаменитаго соизмѣнника. Вѣроятно не безъ участія покровительствующаго митрополита, Амвросій, по окончаніи высшаго образовательнаго курса, въ февралѣ 1800 года, получилъ място учителя въ Новгородской духовной семинаріи, гдѣ онъ 10 марта 1804 года сдѣланъ былъ и префектомъ ея. Въ слѣдующемъ 1805 году Амвросій принялъ монашеское постриженіе и избралъ для себя имя своего высокаго покровителя, митрополита Амвросія. Спустя три года, Амвросій получилъ сань архимандрита, алмазный крестъ и настоятельство въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ и совмѣстно съ нимъ должность ректора Новгородской семинаріи. Въ сентябрѣ 1811 года Амвросій получилъ новое повышеніе: его назначили архимандритомъ Новгородскаго первокласснаго Юрьевы монастыря съ оставленіемъ за нимъ по прежнему ректорства въ семинаріи. Во время своей службы при Новгородской семинаріи Амвросій сблизился съ знаменитымъ нашимъ историкомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ (впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ), тогда (съ 1804—1808 г.) епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородской митрополії. Сближеніе съ ученымъ Евгеніемъ имѣло большое вліяніе на Амвросія. При Евгеніи и, можетъ быть, не безъ его вліянія, Амвросій принялъ монашество, по совѣтамъ Евгенія онъ предпринялъ обширный трудъ—составленіе исторіи россійской іерархіи, сдѣлавшій его имя навсегда памятнымъ въ исторіи отечественной церкви и вообще исторической наукѣ. Съ теченіемъ времени Амвросій увлекся трудами по русской церковной археологіи и занимался ими и въ то время, когда его другъ и вдохновитель Евгеній уже покинулъ Новгородъ. Крѣпкія узы дружбы и ученыхъ интересовъ не порвались съ ихъ разлукою. Преосвященный Евгеній иногда просматривалъ труды своего друга, исправлялъ и дополнялъ ихъ своими собственными статьями ¹⁾.

¹⁾ Такъ въ „Історії россійской іерархії“ м. Евгенію принадлежать слѣдующія статьи: всеобщее хронологическое обозрѣніе начала и распространенія духовныхъ россійскихъ училищъ (ч. I), о началѣ и размноженіи россійскихъ

Въ знаменательномъ для Россіи 1812 году архимандритъ Амвросій Орнатскій получилъ новое назначеніе: онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ Ставропигіального Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ и предсѣдателствующимъ комитета московской духовной цензуры. Въ виду ожидавшагося нашествія на Москву французъ, правительство сдѣлало распоряженіе о вывозѣ церковныхъ сокровищъ изъ древней столицы въ Вологду. Въ числѣ лицъ, охранявшихъ цѣлость сокровищъ, со стороны свѣтскихъ находились: прокуроръ московской синодальной конторы д. ст. сов. Леонтій Магницкій съ нѣсколькими чиновниками конторы и московской консисторії, а изъ духовныхъ лицъ были: Новоспасскій архимандритъ Амвросій вмѣстѣ съ архимандритами монастырей Земконоспасскимъ—Симеономъ, Крестовоздвиженскимъ—Парfenіемъ, протоіереемъ Арханг. собора—Алѣксѣемъ Федоровыемъ и др.

Въ Вологдѣ Амвросій Орнатскій познакомился съ сыномъ Л. Магницкаго, столь извѣстнымъ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ, до 1812 года статье-секретаремъ, а съ 1819 по 1826 г. попечителемъ казанского университета. По возвращенію Амвросія изъ Вологды въ Москву, на него возложено было порученіе возобновить нѣкоторые монастыри, поврежденные французами. Новоспасскій архимандритъ обнаружилъ здѣсь замѣчательную ревность въ исполненіи возложенного на него порученія, за что 30 августа 1814 года удостоился высочайшей награды: онъ получилъ орденъ св. Анны второй степени. Самая широкая ученая дѣятельность Амвросія относится къ 1804—1815 годамъ, когда онъ находился въ Новгородѣ префектомъ, а потомъ ректоромъ семинаріи и архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Въ теченіе этого времени онъ составилъ и издалъ шесть частей исторіи россійской іерархіи¹). За свои ученые труды Амвросій получилъ званіе сна-

монастырей, краткое описание Китайского Пекинскаго монастыря (ч. II), всѣ описания монастырей Воронежской и Вологодской епархій. Сравн. „Словарь до-столичныхъ людей русской земли“; составл. Дм. Бантышъ-Каменскімъ, изд. 1836 г. т. I, стр. 37—33; изд. 1847, 1—10. „Странникъ“, 1869 годъ, ноябрь, 37—39. Статья П. И. Савватова.

В. Ж.

¹) Исторія россійской іерархіи въ шести частяхъ напечатана была въ Москвѣ, въ синодальной типографіи, въ 1807—1815 годахъ. Первая часть исторіи іерархіи была издана вторымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1822 году. Кроме того въ 1827 году митрополитъ Киевскій Евгений Болховитиновъ снова перенесла въ Киевъ первую часть исторіи Россійской іерархіи Амвро-

9*

чала дѣйствительнаго, а потомъ и почетнаго члена импер. московск. общ. ист. и древн. Росс. Покровитель Амвросія, петербургскій митрополитъ, хотя и на закатѣ своей силы и славы, не забывалъ о своемъ любимцѣ. 12-го марта 1816 года Новоспасскій архимандритъ Амвросій былъ хиротонисанъ во епископа Старорусскаго, викария Новгородской митрополіи. Изъ жизни преосвященнаго Амвросія въ Новгородѣ можно отмѣтить то, что онъ 12 июля 1816 года отпѣвалъ въ Хутынѣ монастырѣ тѣло знаменитаго нашего поэта Державина. 9 ноября 1819 года Амвросій получилъ самостоятельную епархію въ г. Пензѣ¹⁾).

сія въ значительно исправленномъ видѣ и въ увеличенномъ объемѣ. Неизвѣстно по чьей иниціативѣ, но только въ Москвѣ напечатано было нѣсколько листовъ VII части Россійской іерархіи Амвросія, но печатаніе остановилось и VII часть не вышла въ свѣтъ. Первые печатные и потомъ корректурные листы ея находятся въ Московскомъ публичномъ музѣѣ, и по каталогу Уидольского значатся подъ № 1419. Въ VII неизданной части исторіи Россійской іерархіи помѣщены разныя уставы русскихъ монастыреноначальниковъ. Нѣкоторыя черновыя работы Амвросія по составленію исторіи Россійской іерархіи съ помѣтками и поправками извѣстнаго любителя исторіи отечественной церкви московскаго митрополита Платона имѣются въ собраниі рукописей Елпидифора Васильевича Барсова, въ Москвѣ.

¹⁾ Представленный до сихъ поръ краткій біографіческій свѣдѣнія о преосв. Амвросії заимствованы: изъ Словаря достопамятныхъ людей русской земли Дм. Бантышъ-Каменского (ч. I, М. 1836, 37—38), изъ Обзора русской духовной литературы преосв Филарета Черниговскаго (кн. II, изд. втор. 1863 г., 215), изъ Исторіи россійской іерархіи (часть VI, 827—932) и ваконецъ изъ специальной статьи объ Амвросії Орнатскомъ, принадлежащей П. И. Саввалтову и составленной имъ на основаніи офиціальныхъ документовъ и разсказовъ ближайшихъ родственниковъ преосв. Амвросія («Странникъ» 1869 г. ноябрь). Что же касается до изображенія дальнѣйшей дѣятельности Амвросія за время его епіскопства въ Пензѣ и пребыванія на покоѣ въ Кирилловѣ монастырѣ, то главнымъ источникомъ для него (за исключеніемъ тѣхъ фактovъ, противъ которыхъ находятся точныя указація на источникъ) послужили находящіяся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», изъ бумагъ Мих. Maximova. Popova, заински одного современника и почитателя епіскопа Амвросія. Эти записки, не всегда отличаясь исторической вѣрностю и точностью сообщаемыхъ ими фактovъ, тѣмъ не менѣе содержать въ себѣ много любопытныхъ разсказовъ, которые представляютъ немаловажный интересъ какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію ихъ къ замѣчательной личности преосвященнаго Амвросія Орнатскаго. Въ подстрочныхъ приѣчавіяхъ къ помѣщаемымъ разсказамъ автора записокъ о преосвященномъ Амвросіи мною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внесены замѣчанія относительно того, насколько соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ эти разсказы свидѣтельствамъ другихъ современниковъ, а также свидѣтельствамъ и офиціальныхъ источниковъ.

В. Ж.

Назначеніе на пензенскую епархиальную кафедру открыло предъ Амвросіємъ широкое поле самой разнообразной дѣятельности. Оно же показало и то, что характеръ Амвросія не вполнѣ отвѣчалъ его новому положенію быть духовнымъ администраторомъ. Амвросій еще съ малолѣтства отличался самымъ строгимъ аскетическимъ настроениемъ, келья отшельника—вотъ сфера его жизни и дѣятельности. Обладая замѣчательнымъ умомъ, рѣдкими способностями, онъ особенно выдавался необыкновенною силою воли, обращавшей его иногда въ упорного непреклоннаго человѣка, не хотѣвшаго знать никакихъ преградъ для своей дѣятельности. Будучи въ скромномъ положеніи учителя, а потомъ ректора семинаріи, Амвросій находился при такихъ условіяхъ жизни, которые болѣе отвѣчали его характеру. Занятія по семинаріи сравнительно мало отнимали у него времени и еще менѣе втягивали его въ суету обыденной мірской жизни. Весь внутренній міръ его души заключался въ стѣнахъ его кельи. Здѣсь онъ всецѣло предавался аскетическимъ подвигамъ и еще въ Новгородѣ заслужилъ онъ славу благочестиваго человѣка ¹⁾). А въ послѣдствіи, въ Пензѣ, многіе произносили имя его съ благоговѣніемъ, какъ имя святаго мужа и замѣчательнаго подвижника ²⁾).

Свободные часы Амвросій посвящалъ на археологическія занятія, къ которымъ онъ относился съ замѣчательнымъ увлеченіемъ. Вся энергія его сильнаго характера находила себѣ пищу въ ученыхъ кабинетныхъ трудахъ. Только въ своей кельѣ онъ чувствовалъ себя въ своей средѣ, въ самой подходящей роли, гдѣ ничто особенног не отрывало его ни отъ упражненій въ благочестивыхъ подвигахъ, ни отъ ученыхъ работъ. Вообще скромное положеніе Амвросія какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ не представляло причинъ къ тому, чтобы его сильный характеръ выдѣлился чѣмъ-нибудь особенно рѣзкимъ и оригинальнымъ. Но вотъ такого строгаго аскета и ученаго кабинетнаго труженика ставить во главѣ обширной и неособенно благоустроенной епархіи. Здѣсь онъ волею-

¹⁾ Извѣстный Юрьевскій архимандритъ Фотій оставилъ очень лестный отзывъ о благочестіи Амвросія, когда онъ былъ еще въ свѣтскомъ званіи. Фотій самую свою фамилію — Спасскаго получилъ отъ Амвросія Ориатскаго.—Имѣющаася у меня къ рукописи автобіографія Фотія, книга первая.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1831, сентябрь. Записки неизвѣстной подъ заглавіемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти“.

неволею становился во главѣ обширной и сложной духовной администрації, въ его рукахъ сосредоточивалась судьба многихъ тысячъ людей. Положеніе епископа заставляло его погрузиться въ интересы будничной, полной мелочей и дразгъ, жизни, вращаться въ области случайныхъ запросовъ каждого отдельнаго дня, постоянно сталкиваться съ разными властями, людьми съ особыми нравственными воззрѣніями и убѣжденіями и съ особымъ складомъ общественной и частной жизни. Сдѣлавшись епископомъ и втянувшись чрезъ то въ круговоротъ общественной, и не всегда нравственно-совершенной жизни, Амвросій не хотѣлъ подчиняться требованіямъ своего новаго положенія, и на каѳедрѣ епископа онъ выступалъ тѣмъ же строгимъ суровымъ аскетомъ, какимъ былъ до сихъ поръ; не измѣнилъ онъ съ епископствомъ и своего непреклоннаго, твердаго, какъ гранитная скала, характера. Съ такимъ характеромъ естественно Амвросій сталъ въ особыя условія ко всему окружающему его обществу, которыя дали какъ его епархіальному управлению, такъ и всей вообще его дѣятельности въ Пензѣ рѣзкій, своеобразный характеръ.

Въ концѣ 1819 года Амвросій явился въ свою Пензенскую епархію. Пензенская епархія принадлежала къ числу самыхъ обширныхъ: въ составъ ея входили настоящія Пензенская, Саратовская, часть Самарской и Симбирской губерній. Пензенская епархіальная каѳедра не отличалась особенно счастливымъ подборомъ своихъ епархіальныхъ владыкъ. Одинъ изъ предшественниковъ Амвросія, Аѳанасій¹⁾, не отличался особенною твердостію и послѣдовательностію въ епархіальномъ управлениі. При немъ въ епархіальной администрації большую роль игралъ презрѣній металль. Преемникъ Аѳанасія—Инновентій Смирновъ, знаменитый ученый богословъ и краснорѣчивый проповѣдникъ своего времени, высланный изъ Петербурга въ Пензу, подъ видомъ почетнаго назначенія, вслѣдствіе интриги министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына, явился въ свой епархіальный городъ уже, можно сказать, живымъ мертвѣцомъ. Онъ торжественно вѣхалъ въ Пензу 24-го іюна 1819 года, а 10-го октября того же года Пензенская епархія уже оплакивала своего знаменитаго архипастыря. Инно-

¹⁾ Карчановъ, былъ Пензенскимъ епископомъ съ 1811 по 1819 г. Уволенъ на покой и умеръ въ Пензѣ, 14-го декабря 1825 г.

иентій, отличавшійся замѣчательно добрымъ сердцемъ и славившійся своею подвижническою жизнью до того, что многіе при его жизни считали его святымъ, въ какіе нибудь три-четыре мѣсяца успѣлъ дать епархиальному управлению нѣсколько болѣе стройный и—главное —гуманный характеръ¹⁾). Пензенскіе жители съ религіознымъ воодушевленіемъ относились къ своему владыкѣ, видя въ немъ живое воплощеніе доброты и святости. Иннокентій еще болѣе привлекалъ къ себѣ сердца пасомыхъ своею первобытною простотою и доступностью, своими простыми, безыскусственными, но изливавшимися отъ чистаго сердца проповѣдями и наконецъ своимъ крайнимъ безворыстіемъ. О немъ можно сказать, что онъ чрезъ свое безворыстіе былъ самымъ первымъ бѣднякомъ въ Пензѣ и архіерейской домѣ: его содержался на счетъ частной благотворительности почитателей епископа. Понятна отсюда та всеобщая скорбь, какая охватила всѣхъ пензенскихъ жителей при вѣсти о смерти своего святаго владыки,—такъ любили выражаться тогда объ Иннокентіи его пасомые. Вмѣстѣ съ Иннокентіемъ рушились золотыя надежды, какія соединяли съ его именемъ пензенскіе граждане. И дѣйствительно, много слезъ и еще болѣе сожалѣній вызвала собою преждевременная кончина добраго Иннокентія. Онъ умеръ только имѣя отъ роду тридцать пять лѣтъ.

Съ большими нетерпѣніемъ ожидали въ Пензѣ новаго владыку. Явился Амвросій. Съ величайшимъ любопытствомъ всѣ относились къ новому архіерею, которое впрочемъ вызывала и самая внѣшняя представительность Амвросія. Онъ отличался высокимъ ростомъ, сухощавымъ тѣлосложеніемъ²⁾), что вызывало его ростъ еще болѣе высокимъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Блѣдное приятное лицо Амвросія окаймлялось небольшою темною почти черного цвѣта бородою. Но во всей его физіономіи особенно выдѣлялись его глаза: большие, темные и глубоковпалые глаза его отличались пріятностью и если они не выражали собою особын-

¹⁾ И въ настоящее время, спустя уже болѣе шестидесяти лѣтъ по смерти епископа Иннокентія, въ Пензѣ еще живеть его имя, и среди пензенскихъ жителей находится не мало такихъ, которые искренно вѣруютъ въ его святость, молятся ему, какъ прославленному угоднику Божію. Имѣя подъ руками не мало данныхъ, касающихся жизни и дѣятельности Иннокентія, я могу только сочувствовать убѣжденіямъ пензенскихъ почитателей Иннокентія.

²⁾ А въ молодости Амвросій отличался значительной полнотою.

наго преобладанія нѣжныхъ чувствъ, то за то въ нихъ всегда просвѣчивался высокій умъ и сильная энергія воли. Иногда большие глаза Амвросія вспыхивали и зажигались огнемъ,—что часто означало приливъ его гнѣва. Амвросій обладалъ громкимъ и сильнымъ голосомъ, который при порывахъ его гнѣва иногда становился болѣе, чѣмъ строгимъ, даже суровымъ, который невольно заставлялъ иногда вздрагивать тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ относился. Всѣ движения и особенно поступь Амвросія отличались замѣчательною медлительностью, что, при его внѣшней представительности, внушило къ нему невольное уваженіе окружавшихъ его лицъ. Амвросій не отличался словоохотливостью, говорилъ всегда очень мало и то съ длинными паузами и разстановками, большую частію быль угрюмъ и молчаливъ. Самый внѣшній видъ преосвященнаго Амвросія представлялъ много загадочнаго и недоступнаго для скораго пониманія внутренняго міра его души и нравственнаго характера. Всматриваясь въ черты лица Амвросія, пензенскіе граждане мало находили въ нихъ выраженія того, что они привыкли видѣть у его ближайшаго предшественника, у котораго доброта и нѣжность души просвѣчивались и отображались въ каждой чертѣ его лица.

Будучи епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородской митрополіи, и обладая незначительною долею самостоятельности, Амвросій естественно не могъ широко заявить здѣсь себя съ двѣйствительной положительной стороны своего характера. А потому только въ Пензѣ, гдѣ, по самому его положенію, Амвросію приходилось играть первенствующую роль, во всей силѣ обнаружился его оригиналный и любопытный характеръ. Амвросій представлялъ изъ себя типъ архіерея-монаха. Во взглядѣ на свое положеніе и на всѣ свои обязанности онъ всегда и прежде всего руководствовался сознаніемъ, что онъ—монахъ. Сознаніе, что онъ—администраторъ, глава мѣстной церкви и управляющій тысячами душъ обыкновенныхъ мірскихъ людей,—людей съ новыми, иногда даже особыми взглядами на вещи,—ему совершенно не было известно. Онъ на себя, равно какъ и на другихъ, смотрѣлъ аскетическимъ взглядомъ, имъ онъ измѣрялъ и жизнь окружающего общества и оцѣнивалъ его нравственное состояніе. Крайне строгій и требовательный въ самому себѣ, замѣчательный подвижникъ въ своей частной жизни, онъ проявлялъ такую же требователь-

вость и ко всему окружающему его обществу. Ему незвестны были приличія свѣта, онъ не хотѣлъ знать и особыхъ условій общественной жизни, онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ для танъ называемаго духа своего времени. Какъ человѣкъ, по убѣждѣнію отдавшійся монашеству, онъ на всю жизнь, на всѣхъ и на все и въ частности на положеніе свое смотрѣлъ сквозь призму строгаго аскетизма. Онъ отъ всякаго сына православной церкви, было-ли то духовное лицо, или высокопоставленный свѣтскій человѣкъ,— одинаково требовалъ безусловнаго повиновенія всѣмъ требованіямъ и уставамъ церкви; въ предѣлахъ своей власти и даже одной возможности онъ готовъ былъ безъ всякаго снисхожденія—и публично и частно—каратъ всякое отступленіе отъ правилъ религіи и требованій христіанской добродѣтели. Здѣсь имъ не полагалось никакого различія ни въ общественномъ, ни въ семейномъ положеніи тѣхъ людей, которые своими дѣйствіями вызывали его священную ревность. Амвросій, какъ сказано, нисколько не уважалъ никакихъ такъ называемыхъ приличій свѣта и требованій, принятыхъ въ общественной жизни; онъ сурово молчалъ во время шумной свѣтской болтовни въ салонахъ пинзенскихъ аристократовъ, а иногда впрочемъ случалось, что онъ возвышалъ свой грохній голосъ—но только для того, чтобы навсегда положить конецъ разговору, противному образу его мыслей. Ему совершенно было незвестно ни человѣкоугодіе, ни лицепріятіе. Единственный кумиръ, которому онъ поклонялся и служилъ, это—правда и чувство нравственнаго долга, которое дѣлало его самымъ ярымъ ревнителемъ и поборникомъ за ученіе, уставы и права православной церкви. Такимъ образомъ характеръ преосв. Амвросія весьма мало представлялъ въ себѣ условій, способствовавшихъ въ сближенію его съ окружающимъ его пинзенскимъ обществомъ. Напротивъ, высота и твердость религіозно-нравственныхъ убѣждѣній, строгость въ собственной жизни и одинаковая требовательность ко всѣмъ членамъ общества, цѣлою бездною раздѣляли его отъ окружающаго общества. Конечно, не въ силахъ было одного Амвросія пересоздать все пинзенское общество. Поэтому если и представлялась возможность сближенія между обществомъ и архіереемъ, то единственно на почвѣ уступокъ со стороны послѣднаго. Но какія бы то ни было уступки совершенно противорѣчили характеру Амвросія. Онъ ни предъ кѣмъ не хотѣлъ жертвовать или

поступаться своими убѣжденіями. Онъ былъ твердъ какъ скала, настойчивость его характера, нерѣдко переходившая въ упорство, являлась по временамъ просто изумительной и иногда вселяла ужасъ даже въ постороннихъ свидѣтеляхъ его поступковъ. Настойчивость характера въ отдельныхъ случаяхъ увлекала Амвросія до самозабвенія. Такимъ образомъ, преосвящ. Амвросій, по самому своему характеру, долженъ быть скоро разойтись со всѣмъ окружающимъ его обществомъ и дѣйствительно онъ разошелся и разошелся сознательно, въполномъ убѣждениіи въ правотѣ своихъ дѣйствій и убѣжденій, разошелся радикально, открыто... Вся дѣятельность Амвросія въ пензенской епархіи, продолжавшаяся около десяти лѣтъ, поэтому представляла изъ себя ничто иное, какъ постоянную борьбу, которая все болѣе и болѣе осложнилась и наконецъ дошла до такихъ предѣловъ, далѣе которыхъ, кажется, и не могла идти. Нѣкоторые эпизоды борьбы, особенно въ своихъ подробностяхъ, даютъ поводъ къ заключенію о крайней рѣзкости, суворости дѣйствій Амвросія. Но замѣчательное явленіе: его рѣзкость не вызываетъ здѣсь непріятнаго впечатлѣнія, весьма мало возбуждаетъ къ себѣ чувство неудовольствія, а иногда, напротивъ, возбуждаетъ невольное уваженіе къ его нравственному мужеству и геройству и все это въ то время и тогда, когда закулисныя дѣйствія и темные мелочныя интриги его многочисленныхъ враговъ не сопровождаются никакимъ другимъ чувствомъ, кроме только одного чувства отвращенія. Разгадка такого явленія кроется въ томъ, по моему мнѣнію, что не смотря на свою односторонность и суворость, преосв. Амвросій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не выходилъ за предѣлы своихъ обязанностей,—онъ, какъ истинный архипастырь, предпочиталъ всему въ мірѣ служеніе одной правдѣ. Идея служенія правдѣ, которою руководствовался Амвросій, какъ бы невольно подкупаетъ въ его пользу и заставляетъ мириться съ черствостью его личного характера.

Неприглядное положеніе ожидало епископа Амвросія въ его епархіи. Пензенская епархія,—одна изъ захолустныхъ уголковъ Россіи, не отличалась благоустройствомъ. Прежде всего епархія много страдала отъ бѣдности. Бѣдность пензенскихъ церквей и духовенства была поразительна. Нѣть разсужденія о другихъ какихъ-нибудь духовныхъ учрежденіяхъ, даже самый центръ епархиального управления—архіерейскій домъ—бросался въ глаза всюю

свою неприглядностью. Пензенский архіерейскій домъ представлялъ изъ себя настоящія руины. Это не было въ собственномъ смыслѣ жилое помѣщеніе, онъ скорѣе походилъ на старый, уже заброшенный за негодностью, грязный постоянный дворъ, чѣмъ на постоянную резиденцію пензенскихъ владыкъ. Чтобы не быть въ данномъ случаѣ голословнымъ, я воспользуюсь имѣющимися въ моемъ распоряженіи письмами предшественника Амвросія—епископа Иннокентія, въ которыхъ съ обстоятельною подробностью рисуется вся неприглядность архіерейскаго житія въ Пензѣ. При этомъ нужно помнить, что Иннокентій былъ человѣкъ съ самыми скромными требованіями, отличался невзыскательностью до самой послѣдней степени, и если и онъ тѣмъ не менѣе высказывалъ жалобы на свое дурное положеніе, то значитъ уже были въ тому очень серьезныя причины. „Пензенская моя квартира, такъ писалъ Иннокентій въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Петербургъ, походить на шалашъ, но страннику и того довольно, только смотря на развалины трудно было удержаться отъ осужденія и жалобъ“. „Меня послали, писалъ Иннокентій въ другомъ письмѣ, въ шалашъ или въ домъ, похожій на худой трактиръ: у дверей нѣтъ ни ключей, ни запоровъ, у шкаповъ, которые по большей части пообломаны, также нѣтъ ни одного ключа. Обои въ покояхъ индѣ оборваны, индѣ замараны, закопчены; полы такъ плохи, что когда пойдешь на одинъ конецъ залы—на другомъ—поднимаются, скрипятъ. Стекла закопчены и составлены изъ малыхъ и битыхъ ключковъ, а крыльце.... но это вещь не для жилья.... Третій этажъ съ полами и потолками провалился отъ дождей, теча была во второй этажѣ. Что жъ нужды? Сперва поропталъ, теперь привыкъ, теперь благословляю Господа моего“.

Такое жалкое состояніе пензенского архіерейскаго дома зависѣло отъ нищенскаго казеннаго оклада, ассигновавшагося въ то время вообще на архіерейскіе дома. Если эти оклады и теперь очень скучны, то въ то время они были еще скучнѣе. Пензенский архіерейскій домъ и его штатъ при предшественникѣ Иннокентія—Аѳанасіи, поддерживали свое существованіе, главнымъ образомъ, путемъ поборовъ съ подвѣдомаго духовенства. При управлѣніи пензенской епархіею Аѳанасія существовала даже особая такса со ставленниковъ, въ которой точно обозначалась сумма денегъ „на лицѣ архіерея“ (со священ-

ника 6 р., діакона 3 р., дьячка въ стихарь 1 р. 50 к.), „на пѣвчихъ“ (со священника 10 р., съ діакона 5 р., съ дьячка 2 р. 50 к.), „на крестовыхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ и прочую архіерейскую свиту“ (со священника 10 р., съ діакона 5 р., а съ дьячка 2 р.). По словамъ Иннокентія нѣкоторымъ священство обходилось рублей въ триста и болѣе. Я нарочно привожу эти цифры, въ подлинности которыхъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, потому что онъ взяты изъ писемъ епископа Иннокентія къ одному изъ высшихъ свѣтскихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, для того, чтобы всякий читатель могъ приблизительно нарисовать себѣ картину нашего епархіального управлія первой четверти XIX вѣка. Преосвященный Иннокентій самъ хотѣлъ было уничтожить систему поборовъ, но съ прекращенiemъ ихъ падаль весь механизмъ епархіального управлія. „Все ползетъ врозь, писалъ Иннокентій по поводу отмѣны имъ поборовъ, пѣвчие говорять: одѣться нечѣмъ, изъ свиты прислужники просятся прочь, а самъ архіерей рѣшается распустить и изъ свиты часть и изъ пѣвчихъ часть, рѣшается также лучше бѣть хлѣбъ съ водою, чѣмъ держаться такого побора“. Къ счастью пензенское общество, очень скоро и крѣпко полюбившее Иннокентія, сочувственно отнеслось къ бѣдственному положенію архіерейского дома и старалось поддерживать его своими пожертвованіями. Характеръ этихъ пожертвованій довольно оригиналенъ. Вотъ что пишетъ Иннокентій: „въ первый день какъ я рѣшился на сокращеніе архіерейского штата вдругъ присыпають пять четвертей ржи, — вотъ хлѣбъ, пятнадцать четвертей овса — вотъ кисель, чрезъ недѣлю — три воза крупу, муки и овса, еще чрезъ нѣсколько дней два воза овса; скажите не довольно ли пропитанія мнѣ лично съ моими домашними? Такъ Господь строитъ, Ему Единому слава!“

Пензенский каѳедральный соборъ ни своею внѣшнею наружностью, ни внутреннимъ убранствомъ не отвѣчалъ своему назначению каѳедры мѣстнаго епископа. Онъ поражалъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ убожествомъ. Соборъ не былъ даже достроенъ: верхній этажъ не былъ выведенъ до конца. Ризница каѳедральнаго собора отличалась такою же бѣдностью, какъ и весь соборъ. Скудость ея доходила до того, что въ составѣ ея находилась только одна, и та бѣдная, пара дикирій и трикирій.

Преосвященный Иннокентій, любившій, не смотря на свою болѣзнь, часто служить, высказывалъ жалобы на то, что ему невозможно служить вмѣстѣ со своимъ предшественникомъ Аѳанасіемъ. „Жаль, пишаль онъ, у обоихъ архіереевъ одни дикиріи и трикиріи и одни ришиды; въ празднікъ одинъ изъ насъ долженъ сидѣть дома за сею малостію“¹⁾. Если такова бѣдность каѳедрального собора, то обѣ уѣздныхъ и сельскихъ церквахъ и говорить нечего послѣ этого: въ нихъ, по словамъ епископа Иннокентія, мало находилось внутреннихъ украшеній, церковная ризница состояла большою частію изъ сидцевыхъ, выбойчатыхъ или холщевыхъ облаченій, въ церквахъ пензенской епархіи съ трудомъ можно было найти самыя необходимыя для богослуженія книги.

Система поборовъ открывала широкое поле дѣятельности для получения священства лицами недостойными и крайне вредно вліяла какъ на общество, такъ и на самое духовенство. Деньги, интриги и кумовство играли видную роль въ епархиальной администрації пензенской епархіи. Отъ того и умственный, и нравственный уровень духовенства пензенской епархіи не отличался особенною высотою. Преосвященный Иннокентій горько жаловался на невѣжество своего духовенства, въ составѣ котораго находились, по его словамъ, такие, которые не знали, что такое св. Троица, что такое молитва, о чёмъ молиться, что такое символъ вѣры¹⁾.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Пензенской епархіи, когда во главѣ ея сталъ епископъ Амвросій I²⁾). Новый архіерей энергически и съ жаромъ взялся за всѣ дѣла своей епархіи, находившіяся въ большомъ застоѣ по случаю смерти своего предшественника. Онъ обнаружилъ при этомъ замѣчательную и всестороннюю кипучую дѣятельность. Ученые занятія Амвросія въ Пензѣ не могли идти успѣшно и почти превратились. Вместо нихъ всю свою энергию онъ посвятилъ на благоустройство своей епархіи и достигъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ успѣ-

¹⁾ Подобные жалобы высказывалъ и преемникъ Амвросія Орнатскаго —звѣстный Иринеи Несторовичъ, епископъ Пензенскій. См. „Христ. чтен.“ 1881 г. маій—іюнь.

²⁾ Я называю Амвросія Орнатскаго Амвросіемъ I —въ отличіе его отъ другого Пензенского епископа Амвросія, по фамиліи Моревъ, управлявшаго пензенской епархіей съ 1835 г. по 1854 г. „Строевъ. Списки єпарховъ“, 954 стр.

ховъ. Одною изъ первыхъ заботъ преосвященнаго Амвросія было приведеніе въ сносный порядокъ внѣшняго вида архіерейскаго дома. Онъ впрочемъ здѣсь только докончилъ поправки, отчасти начатыя, а отчасти и предначертанныя его предшественникомъ. Скоро онъ далъ своему дому болѣе приличный видъ. Но онъ вообще не хотѣлъ тратить деньги на какія-нибудь излишнія украшевія дома или на убранство своихъ внутреннихъ покояевъ; онъ ограничивался удовлетвореніемъ требованій самой обыкновенной простоты и скромности. Очень много заботъ и издержекъ потратилъ преосвященный Амвросій на приведеніе въ благолѣпійный видъ своего каѳедральнаго собора. Въ первые годы его святительства въ Пензѣ и при его неусыпныхъ трудахъ закончена отстройка верхнаго этажа каѳедральнаго собора. Вся внутренность собора приведена въ порядокъ и, сколько было возможно, отдѣлана великолѣпно. Отсутствіе денежныхъ средствъ помѣшило заняться отдѣлкою наружнаго вида собора, который совсѣмъ выглядывалъ не совсѣмъ красивымъ и требовалъ большихъ затратъ на свою оштукатурку. Преосвященный Амвросій весьма много клюпоталъ о благолѣпіи своего каѳедральнаго собора и потому, что онъ, очень скромный въ своей домашней жизни, любилъ великолѣпіе и внѣшній блескъ какъ вообще церковнаго богослуженія, такъ въ частности и особенно архіерейскаго. Онъ очень любилъ служить и потому почти въ каждый праздникъ не только обѣдни, но даже всенощныя, а зимою—утрени служилъ всегда самъ и непремѣнно—въ своемъ любимомъ каѳедральномъ соборѣ, который такъ много былъ обязанъ ему своимъ внутреннимъ великолѣпіемъ.

Священнослуженіе преосвященнаго Амвросія представляло весьма много интереснаго и отличалось замѣчательнымъ великолѣпіемъ и торжественностью. Священнослуженіе его поражало своею продолжительностью: его архіерейская обѣдня продолжалась почти до вечеренъ, всенощная тянулась едва не до полуночи. Порядокъ при богослуженіи во всѣхъ отношеніяхъ господствовалъ образцовый. О сослужащемъ духовенствѣ говорить нечего. Всѣ присутствующіе при богослуженіи, къ какому бы они классу общества не принадлежали, пріучены были епископомъ къ самому строгому, по крайней мѣрѣ внѣшнему, благоговѣнію. Амвросій уничтожилъ всякия вольности молящихся при богослу-

женії: разговоры, переходы съ одного мѣста на другое и иные отступленія оть церковнаго благоповеденія не могли имѣть мѣста при его священнослуженіи. Каждый замѣченный имъ не благоговѣйный поступокъ присутствующаго въ храмѣ, какъ бы онъ ни былъ, повидимому, незначителенъ, всегда сопровождался строгимъ и всенароднымъ выговоромъ со стороны архіерея. При этомъ Амвросій несколько не стѣснялся общественнымъ положеніемъ того лица, къ которому направлялся его выговоръ. Грозный голосъ Амвросія, часто въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ бичевавшій на всю церковь неблагоговѣйно молящагося, сдѣлалъ то, что при его богослуженіи господствовала въ соборѣ мертвая тишина. Если не чувство искренняго благоговѣнія, то страхъ и опасеніе вызвать противъ себя публичный выговоръ строгаго архіерея связывалъ всѣхъ молящихся и вынуждалъ ихъ вести себя въ церкви благоговѣйно. И дѣйствительно очень тажело приходилось тому, кто имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе священнодѣйствовавшаго архіерея своимъ неприличнымъ поведеніемъ въ церкви. Разъ преосвященный Амвросій замѣтилъ разговаривающею въ церкви одну изъ самыхъ первыхъ высокопоставленныхъ дамъ въ Цензѣ и грозно обрушился на нее съ обыкновеннымъ своимъ рѣзкимъ выговоромъ. Та, понятно, страшно сконфузившись и отъ стыда, а можетъ быть во избѣжаніе дальнѣйшаго грознаго выговора архіерея, рѣшилась лучше выйти изъ церкви и направилась къ выходу. Амвросій продолжалъ свое паstryрское внушеніе и когда замѣтилъ и понялъ смыслъ ея движенія—громко на всю церковь обратился къ ней съ вопросомъ и говорилъ ей въ слѣд.: „куда бѣжишь?—Отъ гнѣва Божія не уйдешь!“—Въ другой разъ онъ приказалъ вынести изъ церкви кресла одной престарѣлой и почетной дамы, которая съ давнихъ лѣтъ или отъ дряхлости, а можетъ быть и для важности иногда позволяла себѣ садиться на нихъ во время богослуженія.

Амвросій любилъ большой блескъ при богослуженіи: богатое облаченіе, обилие освѣщенія, многочисленность духовенства. Замѣчательное зрѣлище представляло изъ себя его священнослуженіе. Особенnoю торжественностью отличались всенощныя. Обширный каѳедральный соборъ тогда освѣщался тысячею свѣчей и паникарилъ, что при темнотѣ ночи производило большой эффектъ. Самъ архіерей, величественный и важный, въ богатыхъ

ризахъ, окруженный сонмомъ съ внѣшнимъ благоговѣніемъ и внутреннимъ страхомъ взиравшихъ на него священниковъ и діаконовъ, казался болѣе ветхозавѣтнымъ первосвященникомъ, чѣмъ простымъ епископомъ. Любопытную и торжественную картина представляли тогда выходы архіерея изъ алтаря, напр., для кажденія. Амвросія всегда сопровождала тогда цѣлая толпа діаконовъ. Изъ нихъ одни шли попарно впереди его съ большиими зажженными свѣчами, другіе поддерживали его и вели подъ руки, третій рядъ діаконовъ шелъ позади архіерея и замыкалъ собою шествіе. Окруженный сонмомъ діаконовъ архіерей твердою поступью шелъ и медленно-важно кадилъ св. иконамъ и народу. Въ церкви все безмолствовало какъ въ могилѣ, хотя бы тутъ были тысячи народа: въ храмѣ слышались только гѣніе клира, шаги архіерея, тонкій звонъ колокольчиковъ архіерейского саккоса и чтеніе имъ соответствующихъ молитвъ. Дѣйствительно, эта священная церемонія представляла въ себѣ высокое и восхищительное зрѣлище.

Строгость Амвросія и продолжительность его службы уменьшили съ течениемъ времени число постоянныхъ богомольцевъ въ каѳедральномъ соборѣ. Случалось, что въ малые праздники при архіерейскомъ служеніи въ обширномъ соборѣ насчитывалось только нѣсколько десятковъ богомольцевъ. Но преосвящ. Амвросій всегда служилъ такъ, какъ если бы церковь была наполнена народомъ—съ тѣмъ же блескомъ и великолѣпіемъ и съ тою же продолжительностью. Впрочемъ многіе или изъ недавнихъ жителей Пензы, или пріѣзжіе обрекали себя на утомительное стояніе въ соборѣ для того только, чтобы посмотретьъ Амвросія во всемъ блескѣ и величіи его священнослуженія. Преосвященный Амвросій каждое свое священнослуженіе непремѣнно сопровождалъ проповѣдью. Онъ не любилъ заниматься въ своихъ проповѣдяхъ объясненіемъ свящ. Писанія, вместо того матеріалъ для своихъ проповѣдей онъ черпалъ изъ жизни окружавшаго его общества, изъ нравовъ собственной своей паствы. Проповѣди его отличались замѣчательною продолжительностью: онъ тянулись иногда на часъ, на полтора и даже на два часа. Продолжительность ихъ обусловливалаась отчасти и характеромъ ихъ произношенія. Амвросій говорилъ всегда свои поученія народу безъ приготовленія, экспром-

томъ ¹⁾), медленно, съ большими паузами и разстановками. Проповѣди свои Амвросій произносилъ отчетливо и громко—иногда до того, что его сильный голосъ гремѣлъ на весь соборъ и невольно заставлялъ присутствующихъ внимать слову своего пастыря. Тонъ его проповѣдей во многомъ отображалъ собою личный характеръ самого проповѣдника. Его проповѣди всегда имѣли суровый обличительный характеръ и бичевали собою недостатки и пороки общества. Въ проповѣдяхъ Амвросія не было никакого снисхожденія ни къ какимъ слабостямъ человѣческимъ. Все, что только не было добродѣтельно, отождествлялось имъ съ названіемъ грѣха, тажкаго, великаго грѣха. Самъ строгій аскетъ, Амвросій требовалъ и отъ своей паствы чуть не полнаго отверженія отъ міра, строгаго поста, непрестанной молитвы и святыхъ трудовъ; за все мірское онъ грозилъ гнѣвомъ Божіимъ, предрекалъ бѣдствія на землѣ и возвѣщалъ кары небесныя. Въ послѣдніемъ случаѣ рѣчь его была особенно неумолима, грозна и напоминала собою грозныя обличительныя рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ.

Частная домашняя жизнь преосв. Амвросія отличалась необыкновенною простотою и несложностью. Его столъ не имѣлъ никакихъ слѣдовъ изысканности и ограничивался хлѣбомъ, водою, огурцами и рѣдкою; великимъ постомъ, онъ принималъ только по одной или по двѣ просфоры въ теченіе цѣлой недѣли. Амвросій отличался замѣчательнымъ безкорыстиемъ: значительная часть его денежныхъ средствъ и даже его вещей переходила въ руки нищихъ. Во время каждого священнослуженія архіерея въ соборѣ, крыльце архіерейского дома обыкновенно наполнялось многочисленною толпою нищихъ, ожидавшихъ возвращенія его изъ собора. Являлся Амвросій, раздавалъ имъ всѣ находившіяся у него деньги, и если ихъ оказывалось недостаточно, то отдавалъ самый опустѣвшій свой кошелекъ, платокъ, иногда снималъ съ себя даже поясъ. Когда же и этого оказывалось недостаточно, то онъ быстро входилъ къ себѣ въ домъ, и нерѣдко выносилъ и раздавалъ бѣд-

¹⁾ Предварительно писанную проповѣдь Амвросій говорилъ въ Пензѣ только всего одинъ разъ: это именно при освященіи кафедральнаго собора. Изъ проповѣдей преосв. Амвросія, насколько известно, издано только одно слово въ день празднованія Донской иконѣ Божіей Матери. М. 1816, но и оно приписывается ему только по догадкѣ и едва ли основательно. «Странникъ», 1869 г., ноябрь, стр. 39—40.

В. Ж.

10

нымъ послѣднія свои вещи и вещи самой первѣйшей необходимости. Случалось, что онъ отдавалъ бѣднякамъ послѣднее свое полотенце. Амвросій любилъ помогать бѣднымъ и другимъ путемъ: онъ тайно помогалъ такимъ бѣднымъ, которые по своему общественному положенію не могли стать въ разрядъ обыкновенныхъ нищихъ.

Преосвященный Амвросій представлялъ изъ себя замѣчательную и типическую личность и какъ епархиальный администраторъ. Довольно распущенная до него пензенская епархія, при немъ окончательно преобразилась. Безпорядки въ церковной жизни епархіи отошли въ область преданій. Амвросій сразу подтянуль все и сосредоточилъ исключительно въ однѣхъ своихъ рукахъ всѣ нити управления обширною епархіею. При немъ не состояло никакихъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, около его особы не было ни любимцевъ, ни совѣтниковъ. Онъ въ своемъ собственномъ лицѣ сосредоточилъ всю судьбу своей епархіи.

Преосвященный Амвросій постарался ввести въ своей епархіи болѣе правильные порядки при богослуженіи. Указы за указами летѣли по всѣмъ направленіямъ его епархіи, въ которыхъ духовенству строго на строго предписывалось заботиться о церковномъ благочинії. Амвросій всюду требовалъ аккуратнаго исполненія всего церковнаго богослуженія, чистоты и вообще образцового порядка во всѣхъ церквяхъ своей епархіи. Особенно онъ постарался поднять въ своей епархіи проповѣдь; по его распоряженіямъ ни одна праздничная обѣдня не должна обходиться безъ чтенія (хотя бы то чужой) проповѣди: скоро въ пензенской епархіи явились священники съ талантами, которые пріучились сами произносить проповѣди экспромтомъ; нѣкоторые изъ нихъ, въ своей строгости въ мірянамъ, приближались даже къ своему грозному владыкѣ. Вообще, при архиастырствѣ Амвросія въ пензенской епархіи водворились прекрасные порядки въ тамошнихъ церквяхъ. Разумѣется, встрѣчались по мѣстамъ, особенно въ глухихъ селеніяхъ, разныя уклоненія, но онъ скоро пресекались, благодаря удивительной энергіи пензенского владыки. Разгадка быстраго водворенія порядка въ разныхъ частяхъ епархиального управления кроется въ строгомъ, а иногда даже въ суровомъ характерѣ преосв. Амвросія, который конечно, въ соотвѣтствующихъ чертахъ, отражался на всемъ его правленіи. Водво-

рить порядокъ въ епархії Амвросію удалось ничѣмъ инымъ, какъ системою террора, системою постоянныхъ и строгихъ наказаній. Онъ не зналъ никакихъ мѣръ снисхожденія. Ни одинъ человѣкъ изъ духовенства не избѣгалъ самого строгаго наказанія за самый первый и маловажный свой проступокъ. Амвросій отличался замѣчательною неутомимостью въ наказаніяхъ. Мало подготовленные къ исполненію своихъ высокихъ обязанностей, священнослужители всегда вызывались въ каѳедральный городъ и здѣсь подвергались продолжительному (по полугоду, по году и болѣе) и крайне тяжелому испытанію, преимущественно въ архіерейскомъ домѣ. Въ это время вызванные на исправленіе священнослужители пріучались въ Пензѣ къ порядкамъ городскихъ церквей, кроме того они почти каждодневно должны были являться на лицо къ архіерею, который излагалъ предъ ними правила и обязанности ихъ служенія. При этомъ дѣло никогда не обходилось безъ выговоровъ, способность къ которымъ развита была у Амвросія въ высшей степени. Обладая острымъ умомъ, отличающимъ рѣзкостію въ выраженіяхъ и вообще не стѣсняясь никогда въ выборѣ подходящихъ словъ, онъ иногда одними своими выговорами каралъ такъ же, какъ и настоящими административными наказаніями¹⁾. Иные соглашались скорѣе понести то или другое наказаніе, чѣмъ

¹⁾ Нѣкоторыя изъ резолюцій преосвященнаго Амвросія отличались своеобразнымъ острѣуміемъ. Такъ въ одномъ сего Городищенскаго уѣзда, въ утреню на первый день пасхи, когда духовенство вышло христосоваться съ вародомъ и когда позади священика, діакона и дѣячка поставлены были кадушки для склада яицъ, священикъ замѣтилъ, что діаконъ, клади въ свою кадру подносимыя крестьянами яйца, въ то же самое время перебрасывалъ къ себѣ яйца изъ кадушки священика. Открылся споръ, перешедшій скоро въ крупнуюссору. Діаконъ не унимался... а священикъ сталъ бить діакона и отнимать у него яйца. Діаконъ, разгорячившись, вскочилъ въ кадушку священика и со словами: «ну, такъ никому не доставайся», началъ топтать яйца ногами. Дѣячекъ подзадоривалъ діакона и легонько подсвистывалъ подъ его оригиналную пляску. Объ этомъ случаѣ узналъ мѣстный благочинный и не замедлилъ явиться за разслѣдованиемъ дѣла. Виновные, чтобы потушить крайне непрѣятное для нихъ дѣло, подарили благочинному каждый по кадушкѣ меду. Между тѣмъ скандалъ оказался настолько громкимъ, что о немъ кѣмъ-то донесено было епископу Амвросію. Послѣдній на доносѣ написалъ слѣдующую резолюцію: «Священика драчуна, діакона плюсуну, дѣячка свистуну и быгочинного сластуна вызвать на судъ въ консисторію.—Мнѣ кажется, представленный разсказъ о поступкѣ духовныхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, отличается большимъ преувеличеніемъ.

В. Ж.

10*

попасть подъ острое и юдкое слово своего владыки. Еще тяжелѣе было положеніе священнослужителей, чѣмъ нибудь провинившихся предъ епархиальною властью, а при изумительной строгости, до-ходившей иногда до щепетильности и простой придирчивости архіерея, не было ничего легче какъ попасть предъ нимъ въ число опальныхъ и виновныхъ людей. Во время правленія Амвросія Певза всегда наполнена была массою подначальныхъ священниковъ, дьякононъ и причетниковъ, по первому приказу своего грознаго владыки являвшихся сюда изъ разныхъ, иногда самыхъ отдаленныхъ, уголковъ епархіи „на показаніе и исправленіе“. Пензенскій архіерейскій домъ временъ Амвросія много напоминалъ собою какое-нибудь исправительное заведеніе для преступниковъ изъ духовенства. Иногда при архіерейскомъ домѣ собиралась такая масса опальныхъ священнослужителей, что нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были отсыпать на исправленіе въ ближайшіе къ Пензѣ монастыри, гдѣ этихъ несчастныхъ ожидали большія материальныя лишенія и гдѣ также выпадало на ихъ долю не мало и нравственныхъ униженій. Можно представить себѣ и все горе тѣхъ семействъ духовенства, главы которыхъ оказывались на годичномъ или полугодичномъ испытанії архіерейской власти. Семейства за все это время находились въ постоянномъ страхѣ за судьбу своего главнаго члена, терпѣли большой недостатокъ въ самомъ необходимомъ, оставались безъ всякой помощи и часто раззорялись въ конецъ. Много приходилось выстрадать и попавшему подъ начало тому или другому духовному лицу вдали отъ своей родной семьи и, хотя бѣднаго, но все-таки роднаго очага. Преосвященный Амвросій самъ со-знавался, что онъ былъ строгъ, но въ то же время онъ говорилъ (уже жива на покой въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ), что онъ никого не дѣлалъ несчастнымъ. Утверждая такъ, онъ былъ съ своей точки зрењія правъ, потому что дѣйствительно всѣ виновные, послѣ понесенныхъ ими исправительныхъ наказаній, возвращались на прежня мѣста и такимъ образомъ не лишались тѣхъ средствъ къ своему существованію, которыми они располагали прежде. Системою своихъ наказаній, Амвросій навѣль страхъ на всю свою обширнѣйшую епархію. Одно имя его являлось грозою для всего духовенства. Даже окружавшія его при богослуженіи духовныя лица, какъ болѣе привыкшія къ нему, и тѣ съ затаеннымъ страхомъ и замираніемъ сердца исполняли при немъ

свои обязанности. Что же касается до сельского духовенства, то оно при одномъ извѣстіи о выѣздѣ архіерея для ревизіи епархіи приходило въ паническій страхъ и ожидало его прїзда, какъ великаго гнѣва Божія... Суровое правленіе Амвросія сдѣлало то, что, на языкѣ подчиненнаго ему духовенства, его имя часто соединилось съ эпитетомъ Грознаго.

При своихъ высокихъ взглядахъ на положеніе архіерея, какъ единственного и высшаго блюстителя интересовъ церкви въ епархіи, и при своемъ твердомъ характерѣ, преосвященный Амвросій скоро разошелся съ представителями мѣстной гражданской власти въ Пензѣ. Мѣстная гражданская власть какъ-то вообще недружелюбно относилась къ епархиальной власти и старалась при каждомъ удобномъ случаѣ вредить ей. Самоуправство представителей гражданской власти въ Пензѣ въ то время простиравалось до того, что она при предшественникѣ Амвросія, Афанасіи, съумѣла отобрать отъ архіерейскаго дома и тотъ ничтожный участокъ земли, которымъ владѣлъ долгое время послѣдній¹⁾). Амвросій, явившись въ Пензу, выступилъ крѣпкимъ защитникомъ интересовъ церкви и духовенства противъ всякихъ посагательствъ на нихъ со стороны свѣтскихъ властей. При этомъ онъ слишкомъ широко понималъ праву церкви и потому въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ свѣтскаго человѣка, направленномъ противъ того или другого духовнаго лица, видѣлъ оскорблѣніе церкви и считалъ себя нравственно обязаннымъ выступать на ея защиту.

¹⁾ Вотъ любопытное письмо епископа Иннокентія Пензенскаго, касающееся этого обстоятельства. „Я дерзаю, писалъ Иннокентій между прочимъ къ одному знакомому лицу въ Петербургъ, просить земли у всемилостивѣшаго государя для архіерейскаго дома, той земли, которою домъ 18 лѣтъ пользовался, лучше сказать не земли, а перегѣсовъ. Въ другомъ мѣстѣ также тридцать двѣ десятины, законно принадлежащія архіерейскому дому, отмежеваны: лугъ архіерейскій, а перегѣскъ раздѣляющій или пересѣкающій полину — казенный. Правда, казеннымъ стать считать форшмайстеръ, — стать прятѣнать и въ травѣ; когда нарубить дровъ или прутьевъ изъ перегѣска, онъ поймаеть, посадить подъ карауль... и чего не дѣлаетъ.. Это началось года съ три назадъ, а прежде архіерейскій домъ пользовался всѣмъ сплошь и домикъ тамъ выстроенъ для прїзда, теперь уже ветхъ, надобно возобновлять, если государь сдѣлаетъ малость, возвратить дому владѣмое“. Примѣры недружелюбныхъ отношений гражданской власти въ Пензѣ къ архіереймъ были и при преемникѣ Амвросія, Иринѣ. „Христ. Чтеніе“, 1881 г., май — іюнь.

В. Ж.

Преосвященный Амвросій сразу же разошелся съ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, которымъ въ то время оказалось лицо, не вполнѣ отвѣчавшее своему высокому назначению. Полный аристократической спѣси, избалованный широкимъ просторомъ захолустного житъя, онъ требовалъ отъ всѣхъ безусловнаго повиновенія и свою волю ставилъ выше законовъ. Новый архіерей скоро далъ почувствовать свою силу избалованному властолюбцу и тѣмъ сдѣлалъ изъ него самого злѣйшаго своего врага. Однако это никако не беспокоило архіерея въ виду того, что онъ самъ всегда дѣйствовалъ въ предѣлахъ строгой законности. Амвросій не любилъ и не умѣлъ интриговать. Онъ всегда открыто шелъ на борьбу и дѣйствовалъ прямо. Положеніе губернатора въ данномъ случаѣ оказалось менѣе удобнымъ. За нимъ имѣлось много грѣшковъ: его гражданская администрація отличалась распущенностью и своеволіемъ; самъ онъ слишкомъ преслѣдовалъ низшій классъ общества, защиту котораго, хотя и косвенно, взять на себя мѣстный безкорыстный архіерей. Ясно, губернатору не представлялось никакой возможности дѣйствовать противъ архіерея путемъ открытой борьбы. И право, и симпатіи чернаго народа находились не на его сторонѣ. Губернатору представлялась возможность вредить архіерою только косвенными путями, посредствомъ закулисныхъ интригъ и тайныхъ происковъ. Онъ, дѣйствительно, и избралъ этотъ путь борьбы съ мѣстнымъ архіереемъ. Преосвященный Амвросій не хотѣлъ знать и предупреждать подпольныхъ нападенія своего врага и, усвоивъ взглядъ на него, какъ на врага церкви, а не его лично, старался карать его церковными мѣрами. Онъ нерѣдко касался въ своихъ проповѣдахъ тѣхъ нравственныхъ безобразій въ мѣстной гражданской администрації, которая источникомъ своимъ имѣли никого другого, какъ самого губернатора. Случалось, что въ присутствіи въ соборѣ губернатора грозный владыка весь смыслъ и строгое обличительный тонъ проповѣди обращалъ прямо на него. Губернаторъ зналъ за собою слабости и потому, во избѣженіе открытыхъ обличеній строгаго и безцеремоннаго епископа, старался вообще уклоняться отъ встрѣчъ съ нимъ. Сначала онъ прекратилъ свои посвѣщенія архіерея, равно какъ значительно сократилъ число своихъ посвѣщеній и каѳедральнаго собора. Сюда онъ сталъ являться только по необходимости, по долгу службы,—въ дни высокоторжественные, и тогда на время

объдин онъ становился въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ церкви для того, чтобы не быть замѣченнымъ архіереемъ и не попасть подъ его острое слово. Вообще губернаторъ боялся архіерея какъ огня, и за свою боязнь старался мстить ему подпольными путами. Для того, чтобы повредить архіерею и по возможности свергнуть его съ каѳедры, губернаторъ рѣшился воспользоваться ожидавшимся въ 1824 году прїездомъ въ Пензу государя Александра Павловича, когда онъ могъ то лично, то чрезъ приближенныхъ къ государю особъ многое наговорить ему объ архіерѣ и тѣмъ избавить себя отъ строгаго и твердаго обличителя.

Еще за годъ въ Пензѣ стало известно, что въ 1824 году этотъ городъ посѣтить императоръ Александръ Павловичъ. Въ Пензѣ всюду закипѣли приготовленія къ приему рѣдкаго гостя. Преосвященный Амвросій точно также весьма сочувственно отнесся къ извѣстію о прїездаѣ государя, и началъ свои приготовленія къ его приему. Главною заботою архіерея служила отстройка каѳедральнаго собора, который онъ самъ возвстановилъ и украсилъ внутри, но который снаружи оставался еще въ неотдѣланномъ видѣ. Преосвященный жертвовалъ всѣмъ своимъ ограниченнымъ достояніемъ для реставраціи собора, но этихъ средствъ оказалось слишкомъ недостаточно. Поэтому онъ былъ чрезвычайно обрадованъ, когда узналъ, что пензенскіе дворянѣ, въ виду прїезда государя, согласились собрать большую сумму денегъ, необходимую для исполненія наружнаго уврашенія собора. Но радость и восторгъ Амвросія оказались непродолжительными и смѣнились большими для него огорченіями. Располагая достаточною суммою денегъ, преосвященный уже готовился приступить къ распоряженіямъ по отдѣлкѣ собора, какъ вдругъ, въ изумленію всѣхъ, былъ остановленъ... Оказалось, что же? Губернаторъ, благодаря своимъ связямъ въ Петербургѣ, жестоко, какъ онъ предполагалъ, отплатилъ архіерею. Онъ исходатайствовалъ повелѣніе, которымъ отстройка собора поручалась ему, губернатору, на томъ, нужно сказать ложномъ, основаніи, что деньги, необходимыя для отстройки церкви, были собраны съ дворянъ и съдовательно и употребление ихъ принадлежитъ гражданскому (?) начальству. Нечего и говорить о томъ, какъ глубоко огорчился Амвросій такимъ низкимъ образомъ дѣйствій своего врага и всею несправедливостью исхо-

датайсвованнаго имъ распоряженія. Изъ-подъ наблюденія архіе-
рея отнимали кафедральную его церковь, имъ возстановленную
изъ развалинъ, имъ укращенную внутри — церковь, для благо-
лѣпія которой онъ жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ, кото-
рую онъ такъ любилъ и лелѣялъ и въ которой онъ привыкъ
священнодѣйствовать. Крайне тяжело было Амвросію видѣть, что
въ то самое время, когда всѣ власти заняты были приготовленіями
къ прїезду государя.. только одинъ архіерей оказался, помимо
своей воли, не у дѣль и стать въ Пензѣ какъ бы лишнимъ
человѣкомъ, не смотря на то, что въ нихъ, по самому его высо-
кому положенію, ему должны были принадлежать самая выдаю-
щаяся роль и почетное мѣсто. Дѣйствительно, трудно описать
всю глубину сдѣланнаго архіерею оскорблениія — и это тѣмъ
болѣе, что въ основѣ дѣйствій губернатора не находилось ни
одного законнаго начала, и всѣмъ дѣломъ заправляло только низ-
кое мелочное чувство оскорблennаго человѣка. На этомъ одномъ
губернаторъ не думалъ останавливаться. Достигнувъ одного уни-
женія архіерея, онъ пошелъ дальше. Къ архіерейскому дому въ
Пензѣ со стороны площади примыкалъ въ то время садъ, при-
ходившійся противъ губернаторскаго дома, где предназначалась
квартира для императора на случай его прїезда въ Пензу. Вдругъ,
совершенно неожиданно для Амвросія, получается исходатайство-
ванное все тѣмъ же губернаторомъ повелѣніе уменьшить почти на
половину прилегающій къ архіерейскому дому садъ. Это, повиди-
мому, дѣжалось въ видахъ улучшенія города, но на самомъ дѣлѣ съ
тайнымъ расчетомъ оскорбить и унизить архіерея, у которого на
основаніи выхлопотаннаго губернаторомъ повелѣнія, безъ всякаго
вознагражденія, отнимали собственность, не испросивъ его согла-
сія и даже совсѣмъ не предупредивъ его. Это, дѣйствительно,
такая вопіюща несправедливость, которая невозможна не только
въ отношеніи архіерея, но даже всякаго частнаго лица и только
можно удивляться изобрѣтательности тогдашняго начальника пен-
зенской губерніи.

По своему благочестивому настроенію преосвященный Амвро-
сій легко могъ бы, во имя христіанскаго смиренія, примириться
съ тѣми оскорблениами, которыхъ выпадали на его долю со сто-
роны губернатора. Онъ не хотѣлъ мстить за наносимыя ему лич-
ные оскорблениія, но здѣсь онъ взглянулъ на дѣло иначе. Въ дѣй-

ствияхъ губернатора онъ видѣлъ не одно оскорблениe собственной личности. Онъ думалъ, что въ лицѣ его унижается достоинство церкви и что для поддержанія его онъ, какъ православный епископъ, по необходимости, въ силу своихъ обязанностей, долженъ отстоять высокое значеніе архіерея. Амвросій открыто и рѣшительно выступилъ на защиту церкви и во все продолженіе борьбы оставался непоколебимо твердъ, какъ гранитная скала. Зная хорошо то, что губернаторъ, благодаря своимъ связямъ въ столицѣ, сильнѣе его и не желая самъ или, можетъ быть, не расчитывая на постороннюю поддержку въ высшихъ сферахъ для себя самого, Амвросій тѣмъ не менѣе нисколько не хотѣлъ сойти съ однажды избранного пути и поставилъ себѣ за правило—лучше погибнуть въ борбѣ, чѣмъ измѣнить своему характеру.

Преосвященный Амвросій возвышался въ глазахъ общества тѣмъ, что онъ ревновалъ за правду. Послѣ известной исторіи съ поправкой собора, Амвросія крайне огорчало то, что при громадныхъ улучшеніяхъ наружнаго вида города, вызванныхъ ожидавшимся прїездомъ государя, гражданскія власти весьма много удручили работами бѣдныя и низшія сословія города. Пензенскій епископъ выступилъ здѣсь заступникомъ угнетенныхъ и обратился къ единственному находившемуся въ его распоряженіи средству—къ публичному слову. Амвросій при каждомъ удобномъ случаѣ въ церкви-ли, или у себя дома поражалъ своихъ противниковъ грозными ударами своего сильнаго и остраго слова. Раздраженный послѣдними дѣйствіями губернатора, Амвросій преслѣдоваль и его, и его сторонниковъ разными, иногда обидными выходками, а еще чаще волюстями и остротами, способность въ которыми развита была у него издавна. Нѣкоторые изъ остроумныхъ его выходокъ соединяли въ себѣ замѣчательное сочетаніе и оригинальности, и правдивости до того, что онъ вызывали собою удивленіе современниковъ и какъ такія долгое время оставались въ памяти народа и передавались изъ рода въ родъ. Ко времени прїезда государя въ Пензу весь городъ наполнился рассказами объ остротахъ и оригинальныхъ поступкахъ архіерея, и грозный пензенскій владыка сосредоточилъ на себѣ вниманіе не только местныхъ жителей, но и прїѣзжихъ знатныхъ лицъ, каковы: Сакенъ, Дибичъ, Нессельродъ, Толь, Горчаковъ, Сипагинъ и другіе, авившіеся въ Пензу въ ожиданіи прїезда государя. Въ средѣ

пріїзжихъ людей Амвросій въ то время сдѣлался самою любопытною личностью.

Былъ, между прочимъ, такой случай. Среди приготовленій къ пріїзду государя пензенскія власти обратили преимущественное вниманіе на главную соборную площадь, где находились дома губернатора и архіерея. Послѣ того, какъ архіерей устранился былъ отъ участія въ поправкѣ собора, онъ окончательно отказался отъ всякихъ приготовленій и не дѣлалъ положительно никакихъ поправокъ по архіерейскому дому. Между тѣмъ нужда въ поправкахъ сознавалась сильно и была очевидна для всѣхъ. Амвросій какъ-бы замеръ въ своей дѣятельности и упорно воздерживался отъ всякихъ приготовленій и при напоминаніяхъ о нихъ отдѣльвался болѣе колючими и острыми. Однажды губернаторъ Лубановскій поручилъ полиціймейстеру съѣздить къ преосвященному съ просьбою о томъ, чтобы онъ приказалъ къ пріїзду государя очистить отъ грязи и мусора площадь, лежащую предъ архіерейскимъ домомъ и въ особенности убрать камень, сложенный у стѣны архіерейскаго сада. „Хорошо, сказаъ Амвросій явившемуся полиціймейстеру, — эту нечистоту можно убрать. Но куда мы уберемъ тебя съ губернаторомъ? Весь хоть въ землю зарой, а дѣла ваши не скроются.... Безобразнѣе въ обоихъ ничего нѣть въ Пензѣ“. Этотъ разсказъ имѣеть нѣсколько вариацій, а иногда даже, что впрочемъ совершенно невѣрно, приписывается не Амвросію, а преемнику его, Иринею Несторовичу, но сущность разсказа передается болѣе или менѣе одинаково¹⁾.

Выходка Амвросія, имѣвшая слишкомъ обидный смыслъ для губернатора и полиціймейстера, всецѣло направлялась противъ ихъ нравственныхъ качествъ. По словамъ другихъ современниковъ, лично знавшихъ и преосвященного Амвросія, и полиціймейстера, коллежскаго совѣтника Демьяна Петровича Путяти, слова преосвященнаго имѣли совершенно иной смыслъ. Дѣло въ томъ, что полиціймейстеръ Путяти, извѣстный въ Пензѣ за доброго и честнаго человѣка, къ сожалѣнію отличался непріятною наружностью,

¹⁾ Рассказъ объ этой выходкѣ Амвросія помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., мартъ, стр. 480—481, и 1879 г., августъ, стр. 729—730. Приписывается онъ Иринею Несторовичу въ „Русской Старинѣ“ 1879 г., январь, томъ XXIV, стр. 159; февраль, стр. 366, 368—369.

будучи косымъ и курносымъ. Когда онъ, по приказанию губернатора, явился къ преосвященному Амвросію съ просьбою о поправкахъ по архіерейскому дому, преосвященный, несмотря на очевидную необходимость, не хотелъ исполнить просьбы губернатора. Полиціймайстеръ замѣтилъ на это архіерею, что безобразіе по городу, непримісное ни въ какое другое время, тѣмъ менѣе можетъ быть допущено въ виду прибытія государа; а преосвященный Амвросій, улыбаясь, спросилъ обладавшаго, какъ уже известно, невзрачною фізіономіею полиціймайстера: „а куда же губернаторъ дѣнеть твоё-то безобразіе?“ ¹⁾) Съ трудомъ можно согласиться съ переданнымъ разсказомъ, потому что онъ отзыается не только грубостью, но и противорѣчить нравственному чувству. Едва-ли преосвященный Амвросій, и какъ епіскопъ, и какъ еще болѣе человѣкъ, отличавшійся высокимъ благочестіемъ, могъ снизойти до простой, вульгарной насмѣшки надъ вѣшними недостатками человека. мнѣ кажется, такъ какъ переданный выше разсказъ сообщенъ самимъ действующимъ лицомъ — полиціймайстеромъ, то онъ, какъ непосредственно заинтересованное лицо, и могъ дать такой тонъ словамъ архіерея, который бы касался его въ менѣе обидномъ для него смыслѣ.

Ко времени прїѣзда государя въ Пензу сюда собранъ былъ весь второй пѣхотный корпусъ. Въ Пензу прибылъ и главнокомандующій арміей графъ, а впослѣдствіи князь, Сакенъ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба Толемъ. Командиромъ собранного въ Пензѣ корпуса состоялъ князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ. Наѣхавшіе высшіе военные чины, при общей чистотѣ города, не могли не обратить вниманія на непріглядный видъ мѣстности, прилегающей къ архіерейскому дому. Главнокомандующій Сакенъ стегъ съ своей стороны нужнымъ напомнить пензенскому архіерею о поправкахъ по архіерейскому дому и объ очисткѣ примыкающей къ нему мѣстности. Онъ послалъ къ нему одного изъ своихъ адютантовъ съ порученіемъ просить его объ исправленіяхъ по архіерейскому дому.

— „Вашъ генералъ — нѣмецъ, сказалъ Амвросій адютанту Сакена, а потому и не знаетъ, что русскіе архіереи не занимаются чисткою улицъ и площадей; ихъ дѣло очищать души; если хо-

¹⁾ Г. И. Мѣшковъ. „Русская Старина“ 1879 г., августъ, стр 729—730.

четь генераль, чтобы я его почистиль, пусть приплеть свою душу¹⁾.

Этотъ разсказъ въ нѣкоторыхъ своихъ подробностахъ не вполнѣ отвѣчаетъ характеру Амвросія и притомъ выраженъ языккомъ слишкомъ простымъ и нелитературнымъ, что едва ли могъ допустить умный и ученый епископъ. Перехода изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, разсказъ, вѣрно, можетъ быть, передавалъ мысль Амвросія, получилъ вульгарную окраску.

Съ наступленіемъ весны 1824 года начались поправки пензенского каѳедрального собора. Поднялись лѣса вокругъ церкви, началась установка колоннъ и штукатурка всего зданія. Все это видѣлъ Амвросій изъ оконъ своихъ покоевъ и, конечно, много вынесъ внутренней борьбы при видѣ кищечной работы вокругъ любимой имъ церкви, отъ наблюденія надъ которой святотатственно отклонили его низкія интриги губернатора. Но вотъ, наконецъ, принялись ломать ограду архіерейскаго сада и, замѣчательно, не предупредивши и не спросивши самаго архіерея... Это происходило въ началѣ іюня. Какъ ни крѣпокъ и силенъ былъ характеръ Амвросія, все таки и онъ не вынесъ своего публичнаго поозора. Амвросій не могъ равнодушно смотрѣть на то, что происходит вокругъ него, и скрылся изъ Пензы. Въ одинъ изъ іюньскихъ дней въ столовой архіерейскаго дома былъ поданъ обѣдъ. Преосвященный не показывался еще въ свою столовую и изънутри своего кабинета даль приказаніе заложить карету. Архіерейскіе келейники думали, что владыка желаетъ прокатиться предъ обѣдомъ. Подали карету, преосвященный молча сѣлъ въ нее и на вопросительные взгляды сопровождавшаго его келейника и кучера онъ только махнулъ рукою. Кучерь, уже долгимъ опытомъ пріученный понимать капризы своего владыки, поѣхалъ въ томъ направленіи, въ какомъ вздумалось ему самому, предполагая, что владыка предоставилъ это его выбору, что нерѣдко случалось съ нимъ и прежде. Но вотъ проѣзжаютъ одну улицу, за нею другую и третью... и такъ проѣзжаютъ въ одномъ направленіи почти чрезъ весь городъ. Кучерь нерѣдко оборачивается назадъ и бросаетъ вопросительные взгляды въ дверцы кареты. Амвросій, отлично понимая смыслъ этихъ взглядовъ, отвѣчалъ на нихъ по

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1872 г., мартъ, стр. 481.

прежнему однимъ движениемъ руки. Архіерейская карета направлялась далѣе, проѣхала городскую заставу. Возница приходить въ недоумѣніе и опять вопросительные его взгляды направляются въ дверцы кареты, откуда опять прежнее безмолвное мановеніе архіерея. Такъ проѣхали по большой дорогѣ около двадцати верстъ. Кучерь, недоумѣнію которого не было предѣловъ, уже съ не скрываемымъ беспокойствомъ снова заглянулъ въ карету.... Преосвященный опять молча указалъ ему рукою на виднѣвшееся вблизи селеніе и вотъ чрезъ иѣкоторое время архіерейская карета остановилась у сельской церкви. Преосвященный вошелъ съ благоговѣніемъ въ церковь, долго молился въ ней, затѣмъ произвелъ строгую ревизію духовенства и провелъ ночь въ домѣ приглашаго его священника. На другой день повторяется прежняя история: Амвросій молча садится въ карету, возница и келейникъ снова обращаются къ нему съ вопросительными взглядами и снова все тотъ же нѣмой отвѣтъ рукою, и также поѣздка въ нѣждомый путь. Въ такихъ своихъ безпрерывныхъ странствованіяхъ по епархіи преосвященный Амвросій провелъ около двухъ мѣсяцевъ. Онъ дѣлалъ переїзды по шестидесяти, а иногда болѣе верстъ въ сутки, останавливаясь по два или по три раза въ день для отдыха въ селеніяхъ, проѣхалъ тысячи верстъ, искрестилъ свою епархію по всѣмъ направленіямъ и вездѣ производилъ самую строгую ревизію. Ревизия церкви, Амвросій вездѣ, гдѣ только замѣчалъ малѣйшіе беспорядки, строгозыскивалъ со священниковъ и другихъ членовъ клира: однихъ подвергалъ наказаніямъ за изѣсть, другихъ отсылалъ для исправленія въ Пензу.

Во время своей продолжительной поѣздки преосвященный не имѣлъ съ собою ничего ни для себя лично, ни для прислуги, ни даже для лошадей. На дорогѣ онъ останавливался для отдыха одинаково и у священниковъ, и у крестьянъ, и у помѣщиковъ и вездѣ пользовался тѣмъ, что только предлагали ему приглашавшіе его гостепримные хозяева и не терпѣлъ нуды въ необходимомъ. Многіе православные за счастіе считали принять и угостить преосвященнаго, тѣмъ болѣе, что въ иѣкоторыхъ селахъ обширной пензенской епархіи въ первый разъ видѣли архіерея. Притомъ преосвященный Амвросій не требовалъ для себя многаго: кусокъ хлѣба, ковшъ воды, чашка капусты—вотъ и все меню его обѣда, а иногда случалось, что онъ по цѣлымъ днямъ не спрашивалъ для себя ничего.

Межу тѣмъ въ Пензѣ потеряли голову и никакъ не могли придумать—куда скрылся оригиналъ-архіерей. Въ первыи дни по его отъездѣ, въ архіерейской столовой, въ обыкновенный часъ, накрывался столъ и подавались для высокаго хозяина скромныи блюда, которыи конечно потомъ и уносились нетронутыми. И только уже жертвы архіерейской ревизіи—провинившіеся священники, явившись, по повелѣнію Амвросія, въ Пензу, для исправленія, сообщили наконецъ пензенскимъ горожанамъ о томъ, где находится ихъ архіерей и чѣмъ онъ занятъ теперь. Въ Пензу давно уже собрался весь второй пѣхотный корпусъ, для осмотра котораго императоръ и предпринялъ путь свой въ Пензу; сюда прїѣхали иѣкоторые придворные, чины. Въ Пензу, по случаю ожиданія прїѣзда государя, съѣхалось множество дворянъ пензенской и сосѣднихъ губерній. Весь городъ принарадилъ. Каѳедральный соборъ очистился отъ лѣсовъ и стоялъ совершенно обновленный и чистый. Губернскому городу недоставало одного—архіерея, которому по всѣмъ правамъ должна принадлежать первенствующая роль при встрѣчѣ государя. А Амвросій все еще не явился въ Пензу и никто не могъ положительно сказать, когда онъ возвратится.

Одинъ изъ генераловъ собравшагося въ Пензу втораго пѣхотнаго корпуса, именно начальникъ гусарской дивизіи, генераль-майоръ Леонтьевъ, женатый на дочери графа Зубова, внучкѣ знаменитаго генералиссимуса, князя Суворова, человѣкъ очень любимый и уважаемый всѣми военными, неожиданно заболѣлъ и скончался скоропостижно. Его анатомировали и приготовили для него торжественные похороны. Отпѣваніе для большей пышности предполагалось сдѣлать въ каѳедральномъ соборѣ. Вдругъ возвращается въ Пензу Амвросій. Тогда, конечно, потребовалось испросить благословеніе архіерея на право отпѣть тѣло генерала въ соборной церкви. Лица, заправлявшія похоронами Леонтьева, дѣйствительно явились къ преосвященному Амвросію и просили какъ его благословенія на отпѣваніе въ соборѣ, такъ и о томъ, чтобы онъ почтилъ самое отпѣваніе своимъ въ немъ участіемъ. Преосвященный на просьбу явившихся къ нему военныхъ чиновъ отвѣчалъ, что не только онъ самъ, но и ни одинъ изъ его священниковъ не будетъ ни подъ какимъ видомъ отпѣватъ тѣла ихъ умершаго генерала. „Въ соборахъ, говорилъ между прочимъ не-

умолимый архіерей, церковными правилами воспрещено отпѣвать покойниковъ, кромѣ однихъ архіереевъ, а Леонтьева я и совсѣмъ не буду отпѣвать". „Кого желаете вы погребать, какъ христіанина? продолжалъ онъ далѣе на просьбу военныхъ чиновъ. Вы изъ него вынули сердце, внутренности и св. причастіе, которое принялъ онъ передъ смертью, и набили его сѣномъ. Это теперь не тѣло христіанина, а чучело; мнѣ сердце только и нужно".

Главнокомандующій Сакенъ нѣсколько разъ присыпалъ къ преосвященному своихъ адъютантовъ, съ тѣмъ чтобы упросить архіеря уступить, но послѣдній остался непреклоненъ. Задѣтый за живое отказомъ архіерея, Сакенъ обратился къ иному способу дѣйствій. Онъ нѣсколько разъ посыпалъ къ Амвросію своихъ адъютантовъ уже не съ просьбою, а съ требованіемъ, чтобы тѣло заслуженнаго и извѣстнаго самому государю генерала Леонтьева было отпѣто приличнымъ образомъ, ссыпался на свои права главнокомандующаго, угрожалъ доложить императору. Но архіерей остался непоколебимъ и на угрызы главнокомандующаго отвѣчалъ полнымъ искрѣннѣемъ. „Скажите вашему начальнику, такъ однажды выражался Амвросій на слова угрозъ, переданныя ему однимъ изъ адъютантовъ Сакена, что онъ (Сакенъ)—главнокомандующій надъ войсками, а я главнокомандующій въ моихъ церквяхъ". Главнокомандующему ничего не оставалось болѣе, какъ только помириться съ необходимостию. Похороны Леонтьева прошли очень скромно и незамѣтно. Тѣло его было отпѣто за городомъ, въ лагерь, въ походной церкви и при участіи только полковыхъ священниковъ. Всѣ высшіе военные чины крайне были огорчены и раздражены поступкомъ архіерея—и это тѣмъ болѣе, что Леонтьевъ пользовался всеобщую любовью и уваженіемъ. Особенное негодованіе къ архіерю обнаруживали бывшіе подчиненные Леонтьева, гусары. Одинъ изъ смѣлыхъ гусаръ на выходку архіерея рѣшился отвѣтить публично дерзостью, но оборвался. Онъ однажды явился въ каѳедральный соборъ, простоялъ обѣдню и, подходя, по окончаніи ея, среди массы народа, къ благословенію и къ рукѣ архіерея, громко произнесъ при этомъ: „благослови, пастухъ!" „Богъ да благословить тебя, послѣднюю скотину изъ моего стада", прехладнокровно и медленно-важко отвѣчалъ Амвросій, благосло-

вляя гусара¹⁾). Всѣ высшіе военные чины сильно не возлюбили пензенского архіерея, собирали обѣ немъ неблагоднія свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы потомъ при случаѣ доложить о нихъ государю. Въ представленіи наѣхавшихъ въ Пензу военныхъ чиновъ преосвященный Амвросій выростъ человѣкомъ грубымъ, дерзкимъ, жестокимъ и едва не тираномъ. Такимъ образомъ, къ прїѣзу государя въ Пензу и мѣстная, и наѣзжая знать вооружилась противъ непреклоннаго архіерея.

Наступило 29-е августа—день прїѣза государя въ Пензу. Съ самаго ранняго утра народъ массами толпился на улицахъ и особенно на соборной площади. Рано каѳедральный соборъ началъ наполняться народомъ. Въ пятомъ часу дня въ соборѣ находился уже архіерей со всѣмъ духовенствомъ, губернаторъ, главнокомандующій и всѣ высшіе военные и гражданскіе чины. Соборъ едва могъ вмѣстить всѣхъ жаждавшихъ видѣть государя. Собравшаяся въ каѳедральной церкви масса народа, не занятая при томъ никакимъ церковнымъ богослуженіемъ, стоявшая—въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ въ тѣснотѣ, среди всеобщей давки, не могла оставаться безмолвною. Въ толпѣ, наполнившей церковь, слышался разговоръ, а по временамъ даже шумъ. Архіерей справедливо возмутился поведеніемъ народа. Въ полномъ облаченіи и со св. крестомъ въ рукахъ вышелъ онъ изъ алтаря, грозно посмотрѣлъ на толпу и громко сказалъ, обращаясь къ ней: „какъ можете вы, ожидая царя земного, забыть о Царѣ Небесномъ и нарушать уваженіе къ Его храму?“ Слова архіерея произвели магическое дѣйствіе. Въ соборѣ водворилась мертвая тишина²⁾.

Предъ самымъ прїѣздомъ государя въ соборъ произошло столкновеніе между архіереемъ съ одной стороны и гражданскими и

¹⁾) Относительно этого поступка Амвросія нужно сказать, что онъ отзывается слишкомъ анекдотическимъ характеромъ и приписывается многими архіереямъ. Этотъ анекдотъ приписывается и преемнику Амвросія, епіскопу Иринею Несторовичу („Русская Старина“ 1879 г., февраль, стр. 368), но онъ былъ извѣстенъ еще далеко раньше Амвросія и Иринея и ходилъ въ молвѣ народной въ разныхъ редакціяхъ, причемъ дѣйствующими лицами въ немъ иногда называли одного гусарскаго офицера и приходскаго священника.— „Русская Старина“ 1879 г., августъ, стр. 730.

²⁾) Разсказъ одной свидѣтельницы событий, напечатанный въ запискахъ неизвѣстной, подъ заглавиемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти“. „Русский Вѣстникъ“, сентябрь 1881 года. стр. 125.

военными чинами съ другой. Между ними произошло разногласіе относительно крыльца, съ которого должно было встрѣтить государя. Губернаторъ и главнокомандующій распорядились встрѣтить государя съ главного, западного, крыльца собора. Тамъ уже потому сгруппировались всѣ военные и гражданскіе чины. Только не доставало здѣсь присутствія духовенства. Вдругъ, лишь только дано было знать о приближеніи императора къ Пензѣ, архіерей въ полномъ и блестящемъ облаченіи, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, въ предшествіи св. креста, иконъ и хоругвей—вышелъ изъ алтаря и направился къ боковымъ южнымъ дверямъ собора. Амвросій имѣлъ всѣ резоны къ тому, чтобы поступить такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что южные двери собора были почти прямо обращены къ той улицѣ, по которой долженствовало проѣзжать государю. Потомъ, при передѣлкѣ собора, подъѣздъ у южныхъ дверей устроенъ былъ гораздо параднѣе западнаго главнаго подъѣзда. Амвросій, вездѣ и всегда любившій блескъ и парадность въ церквяхъ, отъ того и предпочелъ южные двери собора западными. Поступокъ архіерея изумилъ всѣхъ. И губернаторъ, и главнокомандующій неоднократно посыпали своихъ чиновниковъ и адъютантовъ къ архіерею, прося его перейти къ западному крыльцу, какъ болѣе приличному, по ихъ мнѣнію, хѣstu встрѣчи государя, и указывая на то, что тамъ все приготовлено къ встрѣчѣ его величества. На просьбы свѣтскихъ сановниковъ Амвросій отвѣтилъ коротко и рѣзко: „я архіерей, и мнѣ принадлежать здѣсь распоряженія“. Къ архіерею снова явлются уже съ настойчивою просьбою перейти къ западному подъѣзду, передаются угрозы и увѣренія въ томъ, что архіерей можетъ остаться въ сторонѣ отъ встрѣчи, что государь непремѣнно подѣдетъ туда, гдѣ ожидаетъ его главнокомандующій. Но никакія убѣжденія не могли сломить упрямаго архіерея. На всѣ настойчивыя увѣренія въ томъ, что государь подѣдетъ къ западному крыльцу и обойдетъ архіерея, послѣдній совершенно основательно отвѣчалъ словами: „государь пойдетъ туда, гдѣ развѣваются хоругви церкви; главнокомандующій можетъ перейти сюда, а хоругви и св. иконы и образа никогда не пойдутъ къ нему“. Свѣтскія власти не хотѣли уступить. Такъ приготовившіеся къ встрѣчѣ раздѣлились на двѣ группы. Конечно, государь подѣ-

ѣхаль къ южному крыльцу собора, гдѣ ожидалъ его архіерей и гдѣ развѣвались церковныя хоругви.

Императоръ подъѣхалъ къ собору. Еще не поднимаясь по ступенямъ крыльца, онъ, какъ ходили слухи, замѣтилъ архіерею, что онъ страдаетъ ногами и что для его больныхъ ногъ лѣстница оказывается очень высокою и крутою. Нѣть ничего неизвѣс-тного, что императоръ уже догадался, что ему приготовлялся другой, болѣе спокойный, входъ въ соборъ. „А танцевать не болѣть ноги“, спокойно и съ полнымъ сознаніемъ своего права отвѣчалъ Амвросій на замѣченіе государя, и, какъ ни въ чёмъ не бывало, повелъ его по ступенямъ крыльца. Императоръ поднялся на верхнюю площадку крыльца, принялъ благословеніе епіскопа, помолился предъ однимъ изъ ближайшихъ образовъ, которые держали въ рукахъ окружавшіе епіскопа священники, и сдѣлалъ-было движеніе къ тому, чтобы приложиться къ св. изображенію. Но, къ удивленію всѣхъ, архіерей остановилъ его и молча рукою показалъ ему, что должно сдѣлать земной поклонъ. Государь поклонился до земли и направилъ было прикладываться къ образу. Архіерей опять остановилъ его. „Три раза“, сказалъ онъ государю и государь сдѣлалъ три земные поклона прежде, чѣмъ приложиться къ иконѣ. Архіеря окружало нѣсколько священниковъ, изъ которыхъ каждый держалъ по какой-нибудь иконѣ. И государь предъ каждой изъ нихъ клалъ по три земныхъ поклона. Когда государь окончилъ поклоненіе иконамъ, преосвященный Амвросій обратился къ нему съ враткою, но сильною привѣтственную рѣчью, которую закончилъ словами: „Осанна въ Вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!“ Громко и безпрестанно произнося эти же самыя слова, Амвросій, предшествуя со св. крестомъ въ рукахъ императору, ввелъ его въ соборъ. Подводя государя къ царскимъ дверямъ и мѣстнымъ иконамъ, строгій архіерей опять заставилъ его предъ каждою иконою влѣсть по три земныхъ поклона. Государь былъ послушенъ, какъ дитя, пензенскому владыкѣ. Послѣ благодарственного молебна Амвросій опять сказалъ нѣсколько назидательныхъ словъ государю и предшествовалъ ему при выходѣ его изъ собора. При чёмъ опять громко раздавались по всей церкви слова архіерея: „Осанна въ Вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!“

Въ Пензѣ императоръ остановился въ губернаторскомъ домѣ.

Едва только онъ успѣлъ расположиться въ отведенной ему квартире на отдыхъ, какъ на соборной колокольнѣ раздался оглушительный звонъ во всѣ колокола. То дѣжалось по приказанію епископа Амвросія, который при звонѣ соборныхъ колоколовъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, вышелъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства изъ соборной церкви и съ великолѣпною церковною церемоніею, съ хоругвами и иконами направился прямо къ императорской квартирѣ. Государь изъ окна увидѣлъ шествовавшую по площади церемонію и приказалъ узнать о значеніи ея. Амвросій объявилъ посланному, что онъ съ духовенствомъ желаетъ представиться императору съ такою именно церемоніею. Государь чрезъ одного изъ своихъ адъютантовъ просилъ преосвященнаго не беспокоиться и дать ему самому отдыхъ, въ которомъ онъ такъ нуждался. Архіерей, выслушавъ объявление адъютанта, молчалъ и шелъ далѣе. Докладываютъ государю, что архіерей не повинуется и уже приближается къ подъѣзду императорской квартиры. Государь послалъ начальника главнаго своего штаба, барона Дибича—остановить архіерея. „Какъ генералъ-адъютантъ, сказалъ Дибичъ Амвросію, объявляю вамъ высочайшее повелѣніе воротиться“. „Ты адъютантъ царя земнаго, хладнокровно отвѣчалъ Амвросій на грозное приказаніе Дибича, а я адъютантъ царя небеснаго“¹⁾). „Я вѣсъ остановлю“, горячился зевильчивый Дибичъ. „Нѣть силы на землѣ, которая бы остановила крестъ Господень“, возразилъ ему Амвросій, показывая на крестъ, который онъ держалъ въ рукахъ своихъ, и вступилъ въ императорскую квартиру. Государь наскоро одѣлся и, по крайней мѣрѣ, съ видимою благосклонностью встрѣтилъ преосвященнаго. Амвросій окропилъ св. водою государя и всю его квартиру, поднесъ ему образъ и просфору и долго говорилъ ему благочестивое наставленіе въ строго-аскетическомъ духѣ. Императоръ внимательно слушалъ строгую рѣчь архіерея, цѣловалъ его руки, и, прощаясь съ нимъ, проводилъ его до дверей своей квартиры²⁾.

¹⁾ Настоящій отвѣтъ епископа Амвросія Дибичу приписывается нерѣдко, хотя и хронологически (Ириней былъ епископомъ Пензенскимъ не въ царствованіе Александра I, а уже при Николаѣ I—съ 1826 по 1830 г.) невѣрно, епископу Пензенскому Иринею Несторовичу.—„Русская Старина“, 1879 г., январь, стр. 163 и февраль, стр. 368.

В. Ж.

²⁾ Въ воспоминаніяхъ лейбъ-хурага Тарасова разсказывается, что настоящій поступокъ Амвросія имѣлъ мѣсто не 29-го, а 30-го августа, и что

Слѣдующій день, 30-е августа, былъ днемъ тезоименитства государя. Вечеромъ наканунѣ, т. е. 29-го числа, преосвященный Амвросій самъ служилъ въ каѳедральномъ соборѣ всенощное бдѣніе и служилъ съ обычнымъ блескомъ и съ обычною же продолжительностью. Еще при самомъ началѣ вечерняго богослуженія къ архіерею явился посланный отъ государя съ приказаниемъ, чтобы на слѣдующій день (30-го августа) обѣдня въ соборѣ начата была въ шесть часовъ утра и продолжалась какъ можно короче въ виду того, что государю на слѣдующій день рано предстояло отправиться за городъ, для смотра войскъ. Амвросій отвѣчалъ посланному: „долови государю, что я завтра буду служить обѣдню ни раньше ни позже, ни длиннѣе ни короче того, какъ установила церковь“.

При обычной продолжительности священнослуженія Амвросія, второй перезвонъ всенощного бдѣнія былъ въ исходѣ десятаго часа ночи, когда государь уже почивалъ. Громкій звонъ соборныхъ колоколовъ разбудилъ императора, который, узнавъ, что будетъ еще третій звонъ, приказалъ объявить, чтобы служили безъ звона. Тотъ же посланный снова явился къ архіерею и передалъ ему новое приказаніе государя. „Здѣсь, сказалъ неустрешимый архіерей посланному государя, воля Царя Небеснаго, а не цара земнаго“. И что же? Въ исходѣ одиннадцатаго часа, по приказанію архіерея, въ третій разъ отзвонили въ большиє соборные колокола—почти подъ окнами императорской квартиры.

Государь, въ виду непреклонности архіерея, 30-го августа слушалъ літургію, въ шесть часовъ утра, въ церкви св. Петра и Павла, находившейся на нижней площади города. Непосредственно

преосвященный Амвросій не получилъ доступа къ государю, а по приказанію барона Дибича былъ вынужденъ, воротиться вмѣстѣ со всемъ процессіемъ назадъ въ соборъ. Въ воспоминаніяхъ Тарасова разсказъ объ этомъ поступкѣ Амвросія обставлена не вполнѣ вѣryмыми подробностями. „Русская Старина“⁴. 1872 г., мартъ, стр. 356—357. Знатокъ певзенской старины, Г. И. Мѣшковъ сообщаетъ, что извѣстный поступокъ Амвросія относится къ 31-му августа. Онъ же, какъ очевидецъ и свидѣтель самого событія, разсказываетъ, что преосвященный Амвросій съ своей торжественной процессіей не былъ привѣтствованъ государемъ и по настоянію Дибича возвратился съ нею въ соборъ. „Русская Старина“, 1872 г., августъ, стр. 729—730. Въ запискахъ современника о епископѣ Амвросії, которымъ я пользуюсь, порядокъ событій изложенъ, по моему мнѣнію, послѣдовательнѣе и, какъ кажется, ближе къ истинѣ.

В. Ж.

послѣ литургіи онъ отправилсѧ на смотръ войскъ, который продолжался приблизительно часовъ до двухъ по полудни. Между тѣмъ архіерей, начавшій обѣднію въ обыкновенное время, окончилъ ее только къ двумъ часамъ. Обѣдня только что кончилася въ соборѣ, какъ государь на возвратномъ пути съ маневровъ появился на главной площади. Архіерей въ полномъ облаченіи, со св. крестомъ, иконами и хоругвями и съ многочисленнымъ духовенствомъ, вышелъ къ нему на встрѣчу. Государю хотя и не понравилась устроенная архіереемъ церемонія, но для сохраненія приличій онъ вышелъ изъ коляски, принялъ благословеніе и поздравленіе Амвросія, который при этомъ окропилъ его св. водою. Императоръ прибылъ въ свою квартиру. Вскорѣ явился туда уже одинъ преосвященный Амвросій. Между императоромъ и епископомъ завязалась продолжительная бесѣда. Нѣкоторые отдельные пункты этой бесѣды, конечно, были очень интересны и любопытны. Аскетъ — епископъ предостерегалъ государя отъ соблазновъ міра, совѣтовалъ ему отказаться отъ бала, предложенного государю дворянствомъ, называлъ балъ бѣсовскимъ утѣшеніемъ, говорилъ, что музыка на балѣ прознаменуетъ насыщши іudeевъ, а танцы — терновый вѣнокъ на головѣ Іисуса. Разговоръ касался и практическихъ сторонъ: Государь, напримѣръ, обратилъ вниманіе на его епархію, упомянулъ о жалобахъ на него духовенства и при этомъ указалъ на кипу просьбъ, поданныхъ духовными лицами въ проѣздѣ его чрезъ Пензенскую губернію. „Государь, сказалъ на это епископъ, на тебя еще болѣе подали бы жалобъ, если бы было кому жаловаться. Посмотри, продолжалъ онъ, коснувшись своей паваги и указывая на находившееся на ней изображеніе распятаго Спасителя,—Онъ-ли не былъ святъ, а Его обвинили и распяли!“ Изъ продолжительного разговора съ епископомъ Амвросіемъ государь вынесъ то совершенно вѣрное убѣжденіе, что онъ могъ быть суровымъ въ управлениі, но никогда несправедливымъ.

Государь пробылъ въ Пензѣ четыре дня. Архіерей надобѣдалъ императору своими постоянными торжественными встрѣчами, какія устраялъ онъ почти при каждомъ проѣздѣ государя мимо собора. Императоръ началъ избѣгать архіерея и, чтобы не встрѣтиться съ нимъ, дѣлалъ большиѳ обѣзды по городу. Между тѣмъ Амвросій не обращалъ на это никакого вниманія и попрежнему продолжалъ являться къ государю съ благословеніями и просфо-

рами. Государь хотя по временамъ и принималъ его, но старался какъ можно скорѣе распуститься съ нимъ. 1-го сентябрь, въ квартирѣ государя, въ губернаторскомъ домѣ, былъ парадный обѣдь, къ которому, кромѣ свиты и генералитета, получили приглашеніе губернаторъ, губернскій предводитель и друг. лица; но преосвященный Амвросій приглашенъ не былъ¹). Для всѣхъ было очевиднымъ, что государь только снисходилъ архіерею. Городскіе слухи предрекали Амвросію неблаговоленіе императора и даже низложеніе съ каѳедры. Одинъ изъ помѣщиковъ - благожелателей епископа удерживалъ его отъ поступковъ, могущихъ вооружить противъ него государя и между прочимъ указывать ему на возможность ссылки его въ монастырь. „А въ монастырѣ есть Богъ?“ спокойно спросилъ архіерей своего собесѣдника. — „Въ Соловецкій монастырѣ“ — дополнилъ тотъ вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ. „А въ Соловецкомъ монастырѣ есть Богъ?“ опять переспросилъ архіерей. „Богъ-то вездѣ есть, отвѣчалъ помѣщикъ, да вами будетъ худо“. „Нѣть, сказалъ на это Амвросій, тамъ все мое счастье, гдѣ Богъ. Миѣ нуженъ Онъ одинъ, а отъ Него меня никто не удалить“.

При своемъ отѣздѣ изъ Пензы государь пожаловалъ награды и ордена многимъ высшимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ въ городѣ. Пензенскій губернаторъ получилъ большой орденъ св. Владимира второй степени. Только архіерей остался безъ всякой награды. Впрочемъ онъ никогда и не искалъ и не желалъ никакихъ почестей, когда онъ самъ шоль и дѣйствовалъ совершенно наперекоръ всякой мірской славѣ и земнымъ отличіямъ.

Преосвященный Амвросій въ короткое время сильно привлекся къ императору Александру, который произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Разошедшись со всѣмъ обществомъ въ Пензѣ и не желая болѣе служить ему, Амвросій хотѣлъ покончить всѣ съ нимъ связи, но покончить такъ, чтобы самому ему ни въ чемъ не измѣнить своему характеру. Своими оригинальными и во всякомъ случаѣ непріятными и даже оскорбительными для государя выходками Амвросій, можетъ быть намѣренно, вооружалъ его противъ себя и сознательно, съ полнымъ убѣждѣ-

¹) „Русская Старина“, пзд. 1879 г., августъ, стр. 130. Сообщеніе Г. И. Мѣшкова.

шемъ въ возможности дурныхъ послѣдствій, вызывалъ противъ себя бурю, среди которой онъ хотѣлъ погибнуть. Онъ разсчитыvalъ найти для себя выходъ изъ своего затруднительного положенія въ возбужденіи къ себѣ немилости государя. Но планы его рушились предъ безконечною снисходительностью и великодушiemъ императора. Вотъ почему Амвросій такъ привязался къ императору Александру I, что въ теченіе всей послѣдующей своей жизни всегда съ благоговѣніемъ и даже со слезами вспоминаль о немъ. Онъ, угрюмый, молчаливый отъ природы, съ большимъ увлеченіемъ любилъ рассказывать объ Александрѣ I и вести бесѣды о высокихъ нравственныхъ качествахъ его души.

По отъѣздѣ государя изъ Пензы, преосвященный Амвросій собралъ въ архіерейскомъ домѣ все городское духовенство и обратился къ нему съ продолжительною рѣчью, въ которой онъ много распространялся о благости и великодушіи императора. Холодный и суровый аскетъ, Амвросій плакалъ, вспоминая о своихъ бесѣдахъ съ нимъ. „Видѣли вы, спрашивалъ онъ членовъ городского духовенства, какъ я докучалъ, досаждалъ государю; и съ какимъ терпѣніемъ, и съ какою кротостью переносиль онъ мои докуки? Это истинно-христіанскій государь, — это ангель-государь“. Среди своей продолжительной бесѣды съ духовенствомъ, архіерей не могъ обйтись безъ того, чтобы не вспомнить злѣшаго врага церкви — губернатора. „А видѣли вы, спрашивалъ Амвросій, обращаясь къ своему духовенству, бѣса въ аной лентѣ, который вертѣлся въ царскихъ покояхъ?“ Здѣсь онъ наименовалъ на пожалованную государемъ пензенскому губернатору Владимірскую звѣзду и ленту.

Вскорѣ послѣ отъѣзда государя, Амвросій навсегда рѣшился оставить Пензу. Какъ въ лѣтнее свое путешествіе, такъ и на этотъ разъ онъ сѣлъ въ карету, махнулъ рукой келейнику и кучеру и отправился опять въ безконечный путь по епархіи. Положеніе путешественниковъ на этотъ разъ было тѣжелѣе прежнаго. Съ половины сентября настушили дожди, холода и утренніе заморозки. Преосвященный и его прислуга, не имѣя теплого плаща, иногда вынуждены были дрожать отъ холода. „У насъ ничего не было съ собою, такъ разсказывалъ послѣ самъ Амвросій о своемъ путешествіи, но Богъ все намъ посыпалъ: одинъ помѣщикъ сдѣлалъ мнѣ шубу, другой — теплые сапоги, третій —

шапку; тотъ одѣлъ кучера, этотъ келейника моего; снарядили и зимнюю повозку; всѣмъ намъ было и тепло, и сытно". Послѣ, находясь въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, преосвященный рассказывалъ, что онъ оба внезапныхъ путешествій предпринималъ по волѣ и по побужденію Духа Божія; а во второй разъ, въ самое нечастное время, онъ отправился и потому, что въ это время никто не могъ ожидать прїѣзда архіерея.

Еще во время лѣтнаго своего путешествія Амвросій обратилъ особенное вниманіе на одно мѣсто, въ Чембарскомъ уѣздѣ, которое чрезвычайно понравилось ему своимъ дикимъ и гористымъ положеніемъ. Во время своего втораго длиннаго путешествія, онъ остановился на этомъ мѣстѣ и прожилъ здѣсь не мало времени, до самой глубокой осени. Въ одной изъ горъ, находящихся въ этой мѣстности, онъ началъ копать для себя пещеру, самъ своими руками рылъ землю, выносилъ ее и продолжалъ эту работу до самой зимы, которая остановила отшельническіе труды архіерея. По зимнему пути Амвросій отправился въ Саратовскую губернію и тамъ посѣтилъ міссіи, трудившіеся надъ обращеніемъ въ христіанство калмыковъ. Потомъ онъ прїѣхалъ въ Саратовъ и жилъ здѣсь болѣе полугода, ни подъ какимъ видомъ не желая возвратиться въ Пензу. Онъ искалъ и жаждалъ совершенного уединенія и потому, наконецъ, рѣшился вовсе отка-
заться отъ управлѣнія епархией. Амвросій нѣсколько разъ про-
силъ у синода увольненія на покой. Первенствующій членъ си-
нода, митрополитъ Серафимъ, докладывалъ о просьбѣ епископа
Амвросія государю и государь не хотѣлъ увольнять его на покой.
Вместо того онъ поручилъ митрополиту Серафиму написать
Амвросію и увѣритъ его въ полномъ и совершенномъ благово-
леніи къ нему государя и выразить его желаніе, чтобы онъ оста-
вался на занимаемой имъ каѳедрѣ. Но Амвросій на письмо ми-
трополита отвѣчалъ новымъ прошеніемъ объ увольненіи на покой,
которое онъ, наконецъ, и получилъ 4-го сентября 1825 года¹⁾.

¹⁾ Въ запискахъ лейбъ-хирурга Тарасова невѣрно передано, что государь далъ повелѣніе синоду объ увольненіи Амвросія на покой непосредственно послѣ своей поѣздки въ Пензу. „Русская Старина“ пзд. 1872 г., мартъ, стр. 357. По точнымъ хронологическимъ даннымъ (Строевъ, „Списки іерарховъ рус-
ской церкви, стр. 981“, оказывается, что Амвросій оставался пензенскимъ епископомъ болѣе года и послѣ изгѣстнаго поѣзденія государемъ Александромъ I Пензы.

В. Ж.

Мѣстомъ своего послѣдняго пребыванія преосвященный Амвросій избралъ тотъ самый Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, близъ кото-
рого онъ родился и въ которомъ онъ получилъ первоначальное
образованіе. Можно удивляться степени привязанности, какая
жила въ немъ къ родинѣ и къ родному монастырю. Многихъ
удивляло избраніе Амвросіемъ Кириллова монастыря своимъ по-
стояннымъ пребываніемъ, особенно потому, что архимандритъ этого
монастыря о. Гедеонъ, состоявшій экономомъ Новгородскаго ми-
трополичьяго дома въ то самое время, когда Амвросій былъ ви-
каріемъ въ Новгородѣ, находился въ самыхъ непріязненныхъ къ
нему отношеніяхъ. „Я желаю тамъ окончить свою жизнь, гдѣ на-
чаль ее и свое воспитаніе“, такъ выразился однажды Амвросій
по поводу избранія имъ Кириллова монастыря мѣстомъ своего
уединенія.

Своє увільненіе на покой єпископъ Амвросій отримав въ Са-
ратовѣ, отсюда же онъ предпринялъ свой продолжительный путь
въ Кирилловъ монастырь¹⁾). Сборы его не отличались продолжи-

¹⁾ Изъ офіційнихъ источниковъ извѣстно, что преосвященный Амвро-
сій 11 января 1825 г. обратился въ св. синодъ съ прошеніемъ объ увільненії
его на покой и свою просьбу онъ мотивировалъ желавшемъ приготовить ко
второму и болѣе полному изданию своей ученый трудъ: „Історію россійской
іерархії“. Это было только предлогъ, а не дѣйствительное побужденіе, заста-
вившее его проситься на покой. Другіе, хотя и не настолько авторитетные,
источники говорятъ, что преосв. Амвросій одною изъ причинъ своей просьбы
объ увільненії на покой выставлялъ предъ синодомъ свою болѣзнь. Такое
разногласіе какъ будто подтверждаетъ сообщеніе нашего современника, ко-
торый говорить о вѣтъ-вѣтъ прошеніяхъ, подававшихся Амвросіемъ въ
синодъ съ просьбою объ увільненії отъ управлія спархіей. За то разскажъ
его о болѣе, чѣмъ полугодичномъ пребываніи Амвросія въ Саратовѣ и осо-
бенно объ отправленіи его прямо пѣзъ Саратова, а не изъ Пензы, въ Кирил-
ловъ монастырь не можетъ быть признанъ правдоподобнымъ. Онъ положи-
тельно противорѣчить не только существующимъ относительно порядка увіль-
ненія архіереевъ отъ управлія спархіями узаконеніямъ, но даже самимъ
офиційнымъ данимъ, касающимися непосредственно самого преосв. Амвро-
сія. Отправиться прямо изъ Саратова въ Кирилловъ преосвященный Амвро-
сій не могъ уже потому одному, что онъ предварительно долженъ былъ лично
сдать всѣ спархіальные дѣла своей, пензенской, консисторіи. И дѣйстви-
тельно, офиціально извѣстно, что преосв. Амвросій отъ 3-го ноября 1825 г.
изъ Пензы доносилъ синоду, что всѣ спархіальные дѣла пѣтъ сданы консисто-
рію, а отъ 19-го декабря онъ уведомлялъ синодъ, что имъ сданы консисторіи
все имущество и денежныя суммы пензенскаго архіерейскаго дома. „Стран-
никъ“, 1869 г., ноябрь, стр. 32—34.

В. Ж.

тельностію: всегда безкорыстный, онъ при своемъ отъездѣ изъ Саратова роздалъ и то, что прежде долженъ былъ сохранять во имя архіерейскаго сана; всѣ свои рясы, подрясники и даже большую часть своихъ книгъ. Взявъ самаго простого ямщика, крестьянина, съ простыми деревенскими санями вмѣсто экипажа, съ небольшимъ сундукомъ нужнѣйшихъ книгъ и самыхъ необходимыхъ бумагъ, въ одной бѣдной монашеской одеждѣ, прикрытой нагольнымъ тулуломъ и простою шапкою съ ушами, преосвященный Амвросій оставилъ Саратовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда простился съ своей епархией. Уже будучи совершенно готовый къ отъезду, онъ, смотря на свой убогій багажъ, сказалъ окружавшимъ его лицамъ: „теперь моего здѣсь ничего нѣтъ“¹⁾). Этимъ онъ показывалъ, что вся дѣятельность его, какъ епископа пензенскаго, не имѣла для него ничего притягательнаго и не отвѣчала его дѣйствительному настроенію, что самое служеніе въ званіи епископа, совершенно не гармонировавшее съ его характеромъ, было съ его стороны не болѣе какъ жертва, принесенная имъ во имя монашескаго обѣта послушанія. Такимъ образомъ онъ оставлялъ, собственно говоря, то, къ чему онъ никогда не считалъ себя призваннымъ и къ чему онъ никогда не могъ привязаться всею душою.

Во время своего продолжительного путешествія, Амвросій, при остановкахъ на отдыхъ, любилъ заходить въ ближайшія церкви для молитвы. Особенно любопытно было посѣщеніе преосвященнымъ Амвросіемъ каѳедральнаго собора въ Нижнемъ Новгородѣ. Подъѣхавъ прямо съ дороги къ каѳедральному собору, Амвросій вошелъ въ церковь во вѣ-богослужебное время и, изъявляя желаніе отслужить молебень, потребовалъ у церковнаго причетника себѣ архіерейское облаченіе. Причетникъ, принялъ его за простого странствующаго монаха, крайне потому изумился требованію неизвѣстнаго ему человѣка и сообщилъ соборнымъ священникамъ. По разъясненіи дѣла, Амвросій получилъ архіерейское облаченіе; явились и пѣвчіе: Начался молебень. По городу разнеслась молва и въ соборъ стали набираться любители всякой новизны. Преосвященный Амвросій служилъ мо-

¹⁾ „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, Бантышъ-Каменского, ч. I, стр. 38. Москва, 1836.

лебенъ съ обычною торжественностью и продолжительностью и закончилъ его проповѣдью. Между тѣмъ о прибытіи его въ соборъ узналъ мѣстный нижегородскій епископъ, Моисей, и прислашъ одного изъ своихъ келейниковъ просить путешествующаго владыку къ себѣ на завтракъ. Келейникъ Моисея явился въ соборъ въ то самое время, когда Амвросій уже выходилъ оттуда, только что закончивши служеніе молебна. „Доложи преосвященному,—сказалъ Амвросій келейнику мѣстнаго епископа на выскажанное имъ отъ имени послѣдняго приглашеніе на завтракъ,—что я далъ Богу обѣть служить молебенъ въ каждомъ городѣ, гдѣ можно, а на закуски ходить не давалъ обѣта“. По выходѣ изъ собора, онъ сѣлъ въ свой убогій экипажъ и продолжалъ свой путь.

Для помѣщенія архіерея въ Кирилловѣ монастырѣ отведена была обширная и очень приличная квартира въ нѣсколько комнатъ, въ число которыхъ входило и большое зало, когда-то бывшее аудиторіей закрытаго къ тому времени при монастырѣ духовнаго училища. Но Амвросій жаждалъ полнаго уединенія. Большая часть комнатъ отведенной для него квартиры оставались пустыми. Онъ избралъ для себя только одну самую заднюю комнату, доступъ въ которую былъ окончательно закрытъ для всѣхъ. Ни одно постороннее лицо не перешагнуло при Амвросіи порога завѣтной комнаты его уединенія. Назначенный къ нему въ услуженіе келейникъ могъ входить только въ переднія комнаты и то только не болѣе двухъ разъ въ день: одинъ разъ для топленія печей, если того требовало время года, и въ другой разъ—для того, чтобы принести кушанье. Столъ для преосвященнаго получался простой монастырскій. Рѣдкую роскошь въ его столѣ составляли: цикорный салатъ безъ масла и вместо чаю ромашка; послѣднее впрочемъ случалось чрезвычайно рѣдко. Келейникъ преосвященнаго, доставляя каждодневно кушанья, не рѣдко замѣчалъ, что владыко и не касался къ кушаньямъ, принесеннымъ имъ въ теченіе прошедшаго дня; тогда онъ ставилъ новое кушанье, а старое уносилъ. Случалось, что онъ такимъ образомъ уносилъ нетронутыя блюда въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ. Келейникъ преосвященнаго не отличался исправностью. Нерѣдко онъ, истопивъ печи съ угаромъ, спокойно зашуралъ архіерейскія келии и уходилъ на долгое время. Запертый

со всѣхъ сторонъ, Амвросій впадалъ отъ сильнаго угара въ безпамятство и оставался въ болѣзnenомъ состояніи до слѣдующаго дня. Его слуга, заперевъ кельи, иногда не являлся въ монастырь днія по два и по три, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ и пьянствовалъ въ городѣ, въ то самое время, когда запертый имъ архіерей-отшельникъ оставался безъ пищи и въ холодныхъ нетопленыхъ комнатахъ. Замѣчательно, Амвросій никогда не высказывалъ никакихъ жалобъ на своего слугу и даже однимъ взглядомъ не выражалъ ему своего неудовольствія.

Преосвященный Амвросій до того уединился въ монастырѣ, что весьма рѣдко являлся въ церковь. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ, когда видѣлъ, что монастырскій дворъ оставался пустымъ и всѣ монахи находились уже въ церкви, выходилъ изъ своихъ келій, приближался къ церкви, становился у какого-нибудь изъ церковныхъ оконъ, клалъ на подоконникъ локти, и стоя неподвижно въ такомъ положеніи, смотрѣлъ во внутренность храма и простоявъ нѣсколько минутъ, снова уходилъ и скрывался, какъ тѣнь въ своей кельѣ. Чаще преосвященный любилъ являться къ церкви ночью: здѣсь въ глубокую полночь, при свѣтѣ луны, нерѣдко издали видали его стоящимъ на паперти на колѣнахъ, съ воздѣтыми къ небу руками¹⁾.

Одно лицо, имѣвшее доступъ къ преосвященному въ Кирилловѣ монастырѣ, предложило ему однажды вопросъ о томъ, почему онъ почти никогда не ходить въ церковь и даже не пріобщается св. таинъ? „Вотъ мой алтарь“, строго сказалъ Амвросій на слова своего собесѣдника, сильно ударивъ при этомъ обѣими руками по стоявшему передъ нимъ столу. „Чтобы я былъ за архіерей, еслибы не могъ пріобщать самаго себя“. Трудно уяснить себѣ смыслъ настоящихъ словъ Амвросія²⁾. Одна изъ причинъ, по которой преосвященный Амвросій очень рѣдко являлся въ церковь, заключалась въ его болѣзnenности, а потомъ и во враждеб-

¹⁾ Филаретъ Черниговский. Обзоръ русск. дух. іст., ч. II, стр. 215.

²⁾ Вѣроятнѣе всего, преосв. Амвросій, высказывалъ такимъ образомъ, имѣть въ виду свой особый способъ причащенія св. таинъ. У него въ кельи находился ковчежецъ съ запасными св. дарами, которыми онъ втайне сподоблялъ себя св. причащенія въ своей келлії. О существованіи у преосв. Амвросія ковчега съ запасными дарами узнали уже послѣ его смерти. „Странникъ“, 1869, ноябрь, стр. 42.

ности къ нему монастырского начальства. Однъ разъ къ нему явился архимандритъ монастыря и прагласилъ его побывать въ церкви. Преосвященный принялъ приглашеніе, явился къ одной величопостной обѣднѣ и сталъ въ церкви у лѣваго клироса. Архимандритъ на время обѣдни приказалъ открыть форточку, находившуюся въ одномъ изъ оконъ правой стороны церкви. Сдѣлался сильный сквозной вѣтеръ, который дулъ прямо на архидиакона. Нѣкоторые монахи доложили архимандриту, что преосвященный страдаетъ ревматизмомъ и что потому сквозной вѣтеръ чрезвычайно для него вреденъ. Архимандритъ, человѣкъ съ крутнмъ нравомъ, не захотѣлъ перемѣнить своего приказанія и форточка оставалась открытою до окончанія богослуженія. Послѣ обѣдни архимандритъ, вмѣстѣ съ братией, подходилъ подъ благословеніе архидиакона и затѣмъ пошелъ провожать его до его квартиры. Дорогою архимандритъ нѣсколько разъ пытался заговорить съ Амвросіемъ, но тотъ важно шелъ домой, не отвѣчая ни однимъ словомъ на разсужденія сопровождавшаго его архимандрита. Продолжительное стояніе на сквознякѣ преосвященному пришлось искупить цѣною большихъ физическихъ страданій, которыхъ едва не закончились для него смертью. Кромѣ того, конечно, ему и нравственно тяжело было видѣть такое крайнее нерасположеніе къ себѣ архимандрита, который, чтобы сдѣлать ему непріятность, не затруднился прибѣгнуть даже къ священнымъ предметамъ. Впрочемъ, самъ преосвященный относился слишкомъ явственно-холодно къ архимандриту ¹⁾.

¹⁾ Былъ такой случай. Явился разъ архимандритъ къ преосвященному съ мятомъ. Архидиаконъ принялъ его парадно: въ рясѣ, клобукѣ и съ панагією на груди. Архимандритъ подошелъ подъ благословеніе, архидиаконъ сѣлъ въ кресло въ даль гостю знакъ рукою сѣсть на другое противуположное. Амвросій при приходѣ гостя не проговорилъ ему ни одного слова и долго продолжалось непрерываемое ни тѣмъ, ни другимъ молчаніе. Архимандритъ никакъ не могъ начать разговоръ, а хозяинъ и совсѣмъ не обнаруживалъ къ тому никакихъ попытокъ... Тогда гость для того только, чтобы прекратить томительное молчаніе, рѣшился наконецъ предложить случайно подвернувшійся ему вопросъ: „Ваше преосвященство, что не пожалуете къ намъ въ церковь?“ сказалъ онъ архидиакону. „Зачѣмъ?“ очень сурово спросилъ архидиаконъ архимандрита, который окончательно сконфузился отъ этого вопроса и не нашелся дать на него вполнѣ другого отвѣта, какъ только сказать съ видимымъ замѣшательствомъ: „зачѣмъ?—посмотрѣть, послушать“. Слова архимандрита вызвали ироническую улыбку на лицѣ архидиакона, который послѣ некоторой паузы, мед-

Никто изъ жившихъ въ монастырѣ не зналъ о занятіяхъ Амвросія внутри его кельи. Только уединеніе, чрезмѣрный постъ, а отсюда быстрое и совершенное истощеніе тѣла свидѣтельствовали о томъ, что онъ предавался все время уединеннымъ молитвеннымъ подвигамъ. Аскетическое уединеніе Амвросія простиравалось до разрыва и пренебреженія родственными чувствами. Въ первое время его пребыванія въ Кирилловѣ монастырѣ, къ нему нѣсколько разъ приходили разные его родственники, которыхъ онъ не хотѣлъ принимать къ себѣ, а только приказывалъ объявлять имъ, что Амвросій мертвѣцъ, что у него нѣтъ на землѣ ни роду, ни племени. Приходила къ нему и старушка-мать. Суровый сынъ принялъ ее очень холодно. На ея желаніе погостить у него онъ предложилъ ей помѣститься въ залѣ и запретилъ переступать порогъ своей завѣтной комната глубокаго уединенія. Бѣдная старушка прожила здѣсь около мѣсяца, почти не видала за это время своего сына и съ глубокою скорбью въ сердцѣ уѣхала изъ монастыря. Точно такимъ же образомъ нѣкоторое время прожилъ у Амвросія и старикъ—его отецъ¹⁾.

Въ первые годы пребыванія Амвросія въ Кирилловской обители монастырскія власти дѣлали попытки являться въ большиѳ праздники съ поздравленіемъ къ архіерею, но скоро совсѣмъ отказались отъ нихъ. Однажды, на первый день пасхи, архимандритъ монастыря съ крестомъ и св. водою и въ сопровожденіи старшой братіи пришелъ поздравить владыку со свѣтлымъ праздникомъ. Доложили Амвросію, но не получили отъ него никакого отвѣта. Вошли въ залъ, начали стучаться въ дверь его уединенной комнаты и все напрасно. Изъ-за двери не было слышно никакого звука. Начали пѣть воскресный канонъ и наконецъ пропѣли его и остановились всѣ въ недоумѣніи. Хозяинъ не показывался. Такъ, наконецъ, поздравители и ушли, не увидавъ архіерея.

Ленно, съ большой разстановкой, съ юдкой ироніей въ голосѣ, повторилъ слова своего гостя: «посмотрѣть, послушать!». Затѣмъ между архіереемъ и архимандритомъ снова возворилось глубокое и продолжительное молчаніе. Озадаченный архимандритъ окончательно растерялся и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ всталъ, подошелъ подъ благословеніе архіерея, который молчалъ, не проронивъ ни одного слова, проводилъ своего поѣзтия.

¹⁾ Отсюда нельзя заключать о безучастиї преосв. Амвросія къ своимъ родителямъ. На противъ, онъ обеспечилъ ихъ, внесши за нихъ большой денежный вкладъ въ Филиппонранскую пустынь, Череповецкаго уѣзда, где они поселились вмѣстѣ и посвятили себя на подвижнические труды. В. Ж.

Доступъ къ преосвященному Амвросію въ Кирилловѣ монастырѣ соединялся съ большими трудностями. Пріемы его до того были рѣдки, что ихъ легко можно было сосчитать, такъ какъ они являлись въ его жизни рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ онъ разъ принималъ у себя, и то на самое короткое время, одного Бѣлозерскаго купца и даваль ему совѣтъ достроить въ городѣ Бѣлозерскѣ церковь, начатую его отцемъ, за смертью немогшаго дозвести постройку до конца. Преосвященный въ проѣздѣ свой чрезъ Бѣлозерскъ замѣтилъ недостроенную, сдѣлавшуюся убѣжищемъ птицъ, церковь и съ своей стороны принялъ нравственные мѣры для того, чтобы привести къ концу постройку св. храма.

Въ другой разъ преосвященный принималъ у себя одну прѣхавшую изъ Пензы бѣдную женщину, которая существовала тамъ его пособіями и, по его приказанию, явилась вслѣдъ за нимъ въ Кирилловѣ съ твердою надеждою на то, что онъ и здѣсь будетъ поддерживать ее своею благотворительностью. Впрочемъ преосвященный Амвросій и здѣсь долго не дозволилъ бѣдной женщинѣ явиться къ нему, но наконецъ согласился принять ее. „Преосвященный, сказала при этомъ несчастная женщина, что мнѣ дѣлать? Я прѣѣхала сюда по вашему приказанию; мнѣ нечѣмъ жить; я въ большой крайности; хорошо вамъ: вы получаете пенсию двѣ тысячи рублей, живете въ прекрасныхъ покояхъ, а каково мнѣ?“ — „Хорошо мнѣ жить?“ спросилъ ее, нѣсколько помолчавъ, Амвросій. „Не понимаешь ты, что говоришь“, продолжалъ онъ далѣе. „Покои мои—это гробъ, въ которомъ для меня нѣть dna, вѣть крыши!“ Говоря такъ, Амвросій разумѣлъ свою отшельническую жизнь, во имя которой онъ добровольно и живо похоронилъ себя для мїра. На дальнѣйшіе вопросы прѣѣзжай женщины о томъ, какъ и на какія средства ей существовать, Амвросій далъ ей странный совѣтъ уничтожить, сожечь и то не-многое, напримѣръ, изъ платя, что она имѣла. Бѣдная женщина вышла отъ преосвященного убитая холодностью его пріема, но она тѣмъ не менѣе не хотѣла возвратиться назадъ въ Пензу и умерла въ г. Кирилловѣ въ крайней нищетѣ и среди всевозможныхъ лишеній. Въ отношеніяхъ преосвященного Амвросія къ этой несчастной женщинѣ кроется что-то непонятное; очевидно, въ нихъ много недоказанного и потому они кажутся очень странными и даже жестокими со стороны Амвросія, если взять во вниманіе то, что онъ самъ далъ ей приказаніе ѿхать за собою

въ Кирилловъ, и это, какъ оказалось впослѣдствіи, только для того, чтобы бросить ее здѣсь на произволъ нищеты.

Предавшійся полному уединенію, Амвросій былъ доступенъ только для одного семейства — семейства подполковника Дубовицкаго¹), сосланного въ Кирилловъ монастырь по высочайшему повелѣнію за распространеніе какого-то ложнаго ученія. При Дубовицкомъ, съ соизволенія государя, находились малолѣтнія его дѣти—сынъ и дочь, и при нихъ гувернантка. Расположеніе Амвросія Дубовицкій завоевалъ случайно. Лишь только Амвросій пріѣхалъ въ Кирилловъ монастырь, Дубовицкій, вѣроятно подъ вліяніемъ тажести монастырскаго заключенія и отсутствія подходящаго общества, явился къ Амвросію, подробно изложилъ предъ нимъ всѣ главныя обстоятельства своей жизни, открылъ ему всѣ свои религіозныя убѣжденія и сомнѣнія, однимъ словомъ—излилъ предъ нимъ всю свою душу. Амвросію очень понравилась исповѣдь Дубовицкаго; скоро онъ полюбилъ его, принималъ его охотно и бесѣдовалъ съ нимъ по нѣсколько часовъ подъ рядъ. Впрочемъ, выпадали случаи, хотя и рѣдко, когда и Дубовицкому приходилось получать отъ архіерея отказъ въ его пріемъ. Бесѣды Дубовицкаго съ преосвященнымъ Амвросіемъ вращались въ области предметовъ религіозныхъ; особенно часто у нихъ затрагивался вопросъ о промыслѣ Божіемъ. Амвросій глубоко вѣрилъ въ силу Провидѣнія Божія и всегда руководствовался этой вѣрою въ своей жизни. Дубовицкій не затруднялся поднимать предъ Амвросіемъ и такого рода вопросы, которые касались непосредственно самого архіерея. На сдѣланное однажды Дубовицкимъ замѣчаніе о томъ, что преосвященный вообще жестокъ и суровъ, Амвросій отвѣчалъ спокойно: „я въ єкономії Божіей уксусъ“. Такъ смотрѣлъ онъ на свое назначеніе на землѣ.

Изъ любви къ Дубовицкому преосвященный Амвросій принималъ и малолѣтнихъ его дѣтей, поилъ ихъ чаемъ, бесѣдовалъ съ ними. Дѣти до того привыкли и освоились съ суровымъ архіереемъ, что часто сами, по своему собственному желанію, приходили въ его покой и, не стѣсняясь, стучались къ нему въ дверь со словами: „отецъ архіерей, отецъ архіерей, отворите!“ Амвросій выходилъ къ дѣтамъ, принималъ отъ нихъ нарванный ими

¹⁾ Дубовицкій сосланъ былъ въ Кирилловъ монастырь за принадлежность къ сектѣ Татариновой. «Вѣстникъ Европы» 1867 г., томъ IV, стр. 85. Воспоминанія В. И. Панаева.

самиими цикорный салатъ, огурцы, апельсины; дарилъ дѣтямъ просфоры, благословлялъ ихъ и даже наизъ ихъ давалъ практическія наставленія о томъ, чтобы она какъ можно лучше берегла здоровье дѣтей и особенно предохраняла бы ихъ отъ простуды.

Въ сентябрѣ 1826 года Дубовицкій получилъ свободу отъ монастырскаго заключенія. Прощаніе съ нимъ преосвященнаго Амвросія ясно доказало степень привязанности его къ Дубовицкому и къ его семейству. Въ день, назначенный для отѣзда изъ Кириллова монастыря, Дубовицкій заказалъ раннюю обѣдню и иолебень въ путь шествующимъ. Лишь только раздался звонъ церковнаго колокола, и еще семейство Дубовицкаго не успѣло явиться въ церковь, какъ, въ удивленію всѣхъ монастырскихъ обитателей, Амвросій показался изъ своихъ покоеvъ и среди самой убийственной осенней погоды направился въ церковь, въ которой предназначалось богослуженіе. Церковь была сырая и холодная, отчасти и отъ того, что богослуженіе въ ней совершилось только нѣсколько разъ въ годъ, и теперь во время самой службы чрезъ разбитыя стекла въ ней завывалъ холодный осенний вѣтеръ. Не смотря на это, преосвященный Амвросій простоялъ обѣдню и иолебень, вслѣдъ за тѣмъ принялъ въ своихъ покояхъ все семейство Дубовицкаго, напутствовалъ его своими архиастырскими молитвами и наконецъ простился съ нимъ самымъ искреннимъ задушевнымъ образомъ.

Преосвященный Амвросій не только въ бытность свою въ Пензѣ, но еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ велъ очень строгую, аскетическую жизнь, которая составляла его истинное призваніе. Явившись на покой въ Кирилловъ монастырь, онъ всесѣло предался аскетизму, много изнурялъ себя подвигами поста и молитвы до того, что противъ нихъ не могло устоять самое желѣзное здоровье, тѣмъ болѣе здоровье Амвросія, никогда не бывшее особенно крѣпкимъ, такъ какъ онъ издавна страдалъ летучимъ ревматизмомъ и потому, когда находился въ Кирилловѣ монастырѣ, часто и лѣтомъ жилъ въ топленыхъ комнатахъ. Не смотря на то, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ походилъ болѣе на мертвца и крайне разстроенное состояніе его здоровья ни для бого не было тайною, Амвросій тѣмъ не менѣе никогда никому не говорилъ о своихъ страданіяхъ и болѣзняхъ; никогда не прибѣгалъ онъ ни къ какимъ медицинскимъ, ни домашнимъ средствамъ.

Преосвященный Амвросій скончался такъ же уединенно и незамѣтно ни для кого, какъ большою частію и жиль. О смерти его узнали не вдругъ и не тотчасъ же. Нѣсколько дней кушанья, который приносилъ слуга въ покой преосвященнаго, оставались нетронутыми. Точно также въ архіерейскихъ кельяхъ долгое время не замѣчалось ни малѣшаго движенія. Какъ ни былоъ безпокойствъ келейника преосвященнаго, но и толь началь безпокоиться и сообщилъ о причинахъ своего беспокойства настоятелю монастыря. Архимандритъ монастыря вмѣстѣ съ братіей явился въ покой архіерея и послѣ долгихъ попытокъ принуждены были выломать двери его кабинета. Тогда имъ представилась слѣдующая картина: Амвросій лежалъ на постели мертвымъ, на немъ надѣть былъ саванъ, на которомъ чернилами и углемъ были изображены кресты, адамова голова и написаны нѣкоторые стихи изъ св. писанія, что весьма много напоминало одежду схимниковъ; покойный лежалъ вверхъ лицемъ, со сложенными крестообразно на груди руками. Значить, онъ самъ приготовился къ смерти и встрѣтилъ ее съ замѣчательною твердостью и спокойствіемъ¹⁾.

Преосвященный Амвросій скончался 26-го декабря 1827 года, будучи сорока девяти лѣтъ отъ рода. Послѣ него не осталось никакихъ денежныхъ средствъ. Онъ жилъ въ монастырѣ настоящимъ безсрѣбренникомъ и двухтысячную пенсію свою получалъ только для того, чтобы одну половину ея отдать въ монастырь, а другую—бѣднымъ.

В. И. Жмакинъ.

С.-Петербургъ.
8 декабря 1881 года.

¹⁾ Въ статьѣ П. И. Савватова находятся другія, не вполнѣ согласны съ вышеизведенными, подробности о смерти Амвросія. Преосвященный Амвросій серьезно заболѣлъ въ іюлѣ 1826 года, а въ декабрѣ болѣзнь его приняла очень опасный характеръ. Къ больному было приглашено докторъ, но медицинскія средства оказались безсильными. Утромъ 25 декабря преосвященный Амвросій исповѣдался и пріобщился св. таинъ, а на слѣдующій день, 26 декабря, въ четыре часа пополудни, скончался. Сообщеніе Савватова отличается большімъ правдоподобіемъ, чѣмъ свидѣтельство автора записокъ объ Амвросіи.

В. Ж.